

Промисловий Журнал

Наталья Александрова

Кладбище
бывших жен

НОВИНКА

Наследники Остапа Бендера (Частные
детективы Лола и Леня Маркиз)

Наталья Александрова
Кладбище бывших жен

«Автор»

2010

Александрова Н. Н.

Кладбище бывших жен / Н. Н. Александрова — «Автор»,
2010 — (Наследники Остапа Бендера (Частные детективы Лола и
Леня Маркиз))

Что бы вы почувствовали, получив письмо, что в связи с переносом вашей могилы нужно срочно явиться на кладбище с документами? Люда Коврайская, получив такое письмо, упала в обморок, из которого ее извлек вернувшийся муж. Он объяснил ей, что его бывшую жену (покойницу) тоже звали Людмилой. Люда знала, что она была не первой женой своего мужа. Однако совершенно случайно ей стало известно, что она была также и не второй, и даже не третьей, а... пятой. И что все предыдущие жены скончались сразу же после развода с мужем. До этого момента она смотрела на жизнь с оптимизмом: муж ее был человек богатый, и даже если они разведутся, ее ждет обеспеченное будущее. Однако в свете новых фактов никакого будущего у нее может и не быть... Неужели ее муж – Синяя Борода и он жестоко расправляется с надоевшими женами? Она обратилась за помощью к парочке преуспевающих частных детективов – красавице и умнице Лоле и ее верному другу, хитроумному Лене по прозвищу Маркиз. Тут-то все и началось... Книга также выходила под названием «Кастинг Синей Бороды».

Наталья Александрова

Кладбище бывших жен

Электронное табло на стене аэропорта замигало.

Пассажиры замерли в ожидании, следя за мельтешением светящихся букв и цифр почти так же напряженно, как следят игроки в казино за вращением колеса рулетки и стремительным движением сверкающего шарика.

Наконец мигание цифр прекратилось, и на табло загорелась роковая надпись: «Вылет рейса FV-267 на Санкт-Петербург задерживается по техническим причинам на неопределенное время».

Лола тяжело вздохнула.

Она уже третий час болталась в аэропорту Пальмы, главного города чудесного испанского острова Мальорки, и терпение ее подходило к концу.

Отдых на Мальорке получился замечательный. Лола купалась в бирюзовых волнах Средиземного моря, загорала на ласковом сентябрьском солнышке, неторопливо прогуливалась по длинному прибрежному променаду, любуясь пышными гроздьями цветущей глицинии и стройными силуэтами выстроившихся вдоль набережной роскошных яхт, сидела за столиками маленьких уютных кафе, наблюдая, как по тому же променаду пробегают загорелые подтянутые мужчины без возраста – владельцы тех самых яхт, чудесных белых вилл в окрестностях города и семизначных счетов в крупных европейских банках. Она гуляла по узким улочкам Пальмы, заходила в чудесный средневековый собор, гордо возвышающийся над городом, и в крошечные лавочки, где среди дешевой сувенирной дряни можно откопать старинное коралловое ожерелье или серебряный каталонский перстень с загадочной надписью. Она прикасалась к морщинистой коре тысячелетних олив, помнящих каравеллы Колумба и корабли крестоносцев, отправляющиеся на далекий Восток. Она ужинала в уютных ресторанчиках, где между столиками прохаживались смуглые гитаристы, извлекая из своих потертых инструментов меланхоличные и страстные звуки фламенко.

И все это делала она, разумеется, не в одиночестве, а в компании очень приятного мужчины, весьма привлекательного, внимательного и щедрого.

Познакомились они в отеле в первый же день приезда. Лолина неземная красота и обаяние произвели на Антона неотразимое впечатление, он сказал это при самой первой встрече, да Лола и сама поняла это по его взгляду, уж она-то знала, что нравится мужчинам. И две недели промелькнули незаметно. Лола была мила, ласкова и нетребовательна, не расспрашивала своего нового знакомого о его жизни и работе, впрочем, он сам сказал, что имеет небольшой, но твердый бизнес и жену – немолодую и насквозь больную, которую он не может бросить из чувства порядочности, не так, мол, его родители воспитали.

Лола выслушала все это не моргнув глазом – обычная история, которую мужчины рассказывают на отдыхе знакомым дамам, когда хотят обезопасить себя от нежелательных последствий необременительной отпускной интрижки. В данном случае последствия имеются в виду не физиологические, а психологические – вдруг дама сочтет его подходящим на роль дальнейшего спутника жизни и начнет изображать сильнейшую любовь, да еще и вздумает продолжать их отношения. А так все точки над *i* расставлены заранее – больную жену никогда не бросит, что должно вызывать только уважение.

Лола искренне посочувствовала тяжелой жизни своего нового знакомого, ей это было нетрудно сделать, ведь по призванию Лола была актрисой, и многие признавали у нее несомненный талант. Про себя она сказала, что замужем, муж ничего для нее не жалеет, но у него своя жизнь – дела, увлечения, а она скучает в одиночестве и вот решила немного развеяться на Мальорке.

Лола выглядела вполне обеспеченной и ухоженной женой богатого, преуспевающего человека, в ее случае каждый мужчина понял бы, что она не собирается терять свое устойчивое положение и бросать мужа ради встреченного малознакомого мужчины, будь он хоть супер-красив и гиперсексуален.

Выяснив таким образом отношения в первый же вечер, парочка очень мило провела две недели. Они наслаждались морем, вечерами пили чудесные коктейли на открытой террасе, наблюдая за солнечным диском, понемногу уходящим в воду, теплыми душистыми ночами танцевали танго на круглой эстраде, гуляли по узким тенистым улочкам старого города и так далее (см. выше).

Антон улетел на два дня раньше, Лола нежно простилась с ним, оросив напоследок белый стильный пиджак самыми настоящими слезами, и долго махала с балкона, как Пенелопа своему Одиссею, но ждать не обещала.

И вот теперь все эти волшебные, упоительные впечатления были испорчены и безжалостно сведены на нет многочасовым ожиданием в аэропорту.

Посадку в самолет откладывали уже четвертый раз.

Лола выпила кофе в скучном кафе, не один раз обошла магазины беспошлинной торговли, немного подремала в неудобном кресле, съела мороженое...

Она скучала, нервничала и злилась. Она хотела домой.

Отдых – это, конечно, замечательно, но жизнь состоит не только из отдыха, а самое главное – дома ее ждал маленький любимец, крошечный песик Пу И древней мексиканской породы чихуахуа, без которого Лола чувствовала себя несчастной и одинокой. А также ее деловой партнер Леня Марков, широко известный в узких кругах под прозвищем Маркиз, сам себя без ложной скромности называвший лучшим мошенником всех времен и народов. Конечно, их связывали сугубо деловые отношения, но, чего греха таить, Лола по нему тоже соскучилась. Как и по остальным членам их маленького дружного коллектива – благородному черно-белому коту Аскольду и чрезвычайно болтливому, отвратительно воспитанному попугаю Перришону...

Лола обязательно взяла бы песика с собой, но он слегка приболел перед вылетом, и она оставила его на Леню скрепя сердце. Пу И выздоровел на следующий день, Лола даже слегка обиделась, потому что поняла, что ему просто не хотелось лететь с ней, песик плохо переносил воздушные путешествия.

Сейчас она безумно скучала и чувствовала себя виноватой – как они там без нее...

От нечего делать Лола снова зашла в парфюмерный магазин и медленно двинулась между стендами с духами и кремами знаменитых французских фирм. Она повертела в руках баночку ночного крема, понюхала новые духи знаменитого японца...

И вдруг она увидела знакомое лицо.

Точнее, знакомую фигуру, потому что как раз лицо женщины было спрятано под огромными черными очками и опущенными полями стильной соломенной шляпки.

Однако никаких сомнений не было – по соседнему проходу двигалась Люда Веснушкина, Лолина одноклассница по средней школе номер сорок шесть славного города Черноморска.

Лола бурно обрадовалась: она не видела Люду с самого выпуска, то есть... не важно сколько лет, но очень давно. Выглядела Люда просто замечательно – стройная, подтянутая, одежда от лучших итальянских дизайнеров. Впрочем, Лола тоже была в хорошей форме, хотя и устала от долгого блуждания по аэропорту.

– Людка! – радостно воскликнула Лола, бросившись к старой подруге. – Привет! Сколько же мы с тобой не видались!

Она хотела кинуться ей на шею, однако дама в черных очках попятилась и прошипела сквозь зубы:

– Вы меня с кем-то перепутали!

– Как – перепутала?! – возмутилась Лола. – Ничего не перепутала! Это же я, Оля Чинова! Черноморск, сорок шестая средняя школа – помнишь? Мы с тобой как-то пошли купаться на дикий пляж и чуть не утонули... а еще мы обе в девятом классе влюбились в Генку Станишевского из десятого «Б»... а еще – помнишь, как Вовка Капустин запустил ужа в сумку Мымры Романовны, нашей училки по биологии, а свалил на нас с тобой?..

– Первый раз слышу! – процедила дама с самой настоящей ненавистью и метнулась за витрину с косметикой.

– Как же так? – протянула Лола, провожая ее разочарованным взглядом. – Неужели я действительно обозналась? Или Людка сильно разбогатела и не хочет узнавать старых знакомых? Подумаешь! Не больно-то и надо!

Она пожала недоуменно плечами и покинула магазин с гордо поднятой головой.

Неприятный инцидент еще больше испортил ее настроение, и чтобы исправить его, Лола решила сделать себе маленькую поблажку и съесть в ближайшем кафе тирамису. Конечно, это лишние калории, но, в конце концов, эти калории можно отработать на тренажере, а хорошее настроение важнее.

Лола устроилась за свободным столиком, сделала заказ и огляделась по сторонам.

За соседним столиком сидела молодая привлекательная женщина с печатью некоторой нервозности на лице. Она лениво ковырялась ложечкой в вазочке с фисташковым мороженым и то и дело бросала по сторонам настороженные, опасливые взгляды. Отложив ложечку, незнакомка взглянула на часы – видимо, проверила, сколько времени осталось до ее рейса.

Часики были золотые, с мелкими розоватыми бриллиантками. Лола как-то видела точно такие в витрине известного ювелирного магазина на Невском.

А чуть в стороне, за большой искусственной пальмой, пряталась та самая особа, которую Лола приняла за Людку Веснушкину. Или все-таки это и есть Людка? Лола не могла поверить, что так ошиблась. Прежде с ней такого не случалось.

Так вот, эта подозрительная особа, все в тех же черных очках и в шляпе с опущенными полями, несомненно, пряталась за пальмой и оттуда наблюдала за женщиной с мороженым.

«Да что же здесь происходит? – подумала Лола. – Может быть, Людка тронулась умом и изображает из себя секретного агента из голливудского боевика? Отсюда и черные очки, и шляпа... поэтому она и не захотела меня...»

Лола фыркнула и отвернулась – в конце концов, ее это не касается, и если Люда не хочет с ней разговаривать – наплевать, не больно-то и хотелось!

Официантка принесла Лоле тарелочку с тирамису и большую чашку кофе со сливками. Лола попробовала десерт и тихонько мурлыкнула – он был просто божественный!

Настроение у нее заметно улучшилось, жизнь заиграла всеми цветами радуги. Единственное, чего ей не хватало для полного счастья, – это чтобы рядом с ней на свободном стуле сидел Пу И и лакомился своим любимым ореховым печеньем, приветливо сверкая черными бусинками глаз...

«Пуишечка, детка! – мысленно обратилась к нему Лола. – Как же мамочка по тебе соскучилась! Как же нам было бы хорошо с тобой вдвоем тут, на Мальорке!»

И тут же поняла, что кривит душой. Песик у нее был, конечно, самый любимый, Лолино сокровище, радость и счастье, однако любой отдых мог испортить очень качественно.

Во-первых, он ни за что не потерпел бы рядом с Лолой никакого постороннего мужчину. В ход пошли бы самые запрещенные методы. Пу И постоянно кусал бы Лолиного ухажера за пальцы, пачкал светлые брюки грязными лапами, рвал непрочитанную газету и даже писал в дорогие итальянские ботинки.

Во-вторых, своими капризами песик довел бы прислугу в отеле, да и саму Лолу, до белого каления.

В-третьих, он непременно перессорил бы Лолу со всеми отдыхающими как в отеле, так и на всем острове, так как терпеть не мог маленьких детей, а они как раз его обожали и постоянно пытались взять на руки и погладить.

Лола снова ощутила чувство вины, затем отправила в рот очередной кусочек тирамису и машинально бросила взгляд в ту сторону, где мог бы сейчас сидеть Пу И.

При этом в поле ее зрения снова попали соседний столик и женщина с мороженым.

С той происходило что-то странное.

Незнакомка держалась обеими руками за край столика, лицо ее было перекошено судорогой, рот приоткрыт, и на губах выступала розоватая пена, как будто она набрала полный рот дешевого фруктового шампуня и теперь собирается пускать мыльные пузыри. В следующую секунду женщина судорожно дернулась и, свалившись со стула, забилась на полу в конвульсиях. Падая, она сдернула со стола нарядную клетчатую скатерть и вазочку с мороженым.

Лола привстала и завертела головой, собираясь позвать кого-нибудь на помощь. Впрочем, к бьющейся в судорогах незнакомке уже спешили официантка и мужчина средних лет в темном костюме со значком охранника на лацкане.

Пробегая мимо Лолы, официантка нечаянно толкнула ее столик и опрокинула чашку кофе, залив Лолину юбку.

– Черт! – вскрикнула Лола, вскочив и промакивая пятно салфеткой. – Вот ведь неве-
зуха...

Вокруг незнакомки уже суетились, впрочем, кажется, судороги уже затихали. Так что Лола бросила на столик деньги и устремилась в ближайший туалет, чтобы привести свою одежду в порядок, если это еще возможно.

Встав перед зеркалом, она внимательно оглядела себя с ног до головы и пришла в ужас. Кроме огромного пятна на юбке, были еще очень заметные кофейные брызги на кофточке и немножко кофе на левой босоножке. Ну, с этим-то как раз проще всего, она оттерла босоножку салфеткой. А вот с юбкой и кофточкой дело обстояло гораздо хуже... самое ужасное, что всю остальную одежду Лола уже сдала в багаж и переодеться ей было решительно не во что.

– Черт знает что! – громко сказала Лола.

У нее в активе имелось три способа решения проблемы:

– сесть на кафельный пол, зареветь от бессильной злости и ждать, что придет кто-нибудь и поможет;

– добраться короткими перебежками до ближайшего бара, выпить там не меньше трех коктейлей «Маргарита», причем попросить бармена налить туда тройную порцию текилы. После третьего коктейля Лоле станет все до фени, и она совершенно не будет волноваться по поводу своего внешнего вида;

– взять себя в руки, собраться с силами, идти в бутики, что расположены в беспощинной зоне, и попытаться купить там что-нибудь подходящее.

Ужасно хотелось зареветь, но Лола призвала на помощь все свое самообладание. Если кто и войдет в этот туалет (что маловероятно), то скорее всего не станет помогать незнакомой девице, зареванной и растрепанной. Кроме того, существовала опасность пропустить отлет самолета.

Соблазнителен был и второй вариант – напиться и забыться. Но опять-таки можно пропустить вылет, Лола-то знает, как на нее действует текила, хоть и разбавленная соком лайма.

Значит, оставался третий вариант. Следовало срочно собраться и бежать по магазинам.

Лола наскоро расчесала волосы и подкрасила губы, затем надела темные очки и высунула голову из дверей туалета. Вокруг было полно народу, люди толклись у стоек, сидели за столиками кафе, дремали – в общем, убивали время до своих рейсов. Но Лоле показалось, что все только и ждут ее выхода, как зрители в театральном зале ждут появления примы. И

все будут откровенно пялиться на ее испорченную одежду, даже маленькие дети, даже спящие проснутся. А до бутиков идти очень далеко, через весь зал...

Лола застонала и метнулась обратно в туалет. Такое ее поведение можно было объяснить только усталостью и нервным напряжением последних часов.

Лола обтерла лицо намоченной салфеткой и посмотрела на часы. Нужно решаться, а то и вправду самолет улетит без нее. Она глубоко вздохнула и взялась за ручку двери.

И тут дверь распахнулась, едва не стукнув Лолу по носу, и в туалет влетела та самая чокнутая девица, которую Лола приняла за свою бывшую одноклассницу Люту Веснушкину. Не заметив Лолу, стоявшую за дверью, девица проскочила в кабинку, откуда тотчас послышались характерные звуки – ее сильно тошнило.

«Может, она больная... – опасливо подумала Лола, – недаром про свиной грипп говорят, а я еще с ней разговаривала, вирусов от нее набиралась...»

И Лола в который уже раз решительно взялась за ручку двери. Но не успела, потому что странная девица выскочила из кабинки. Шляпа с нее свалилась, темные очки тоже, и, несмотря на размазанный макияж, Лола совершенно определенно узнала в ней Лютку Веснушкину. Только у нее так таращились глаза и рот разевался сам собой, когда Лютка чего-нибудь боялась.

Лола вспомнила, как Витка Сударушкин принес в класс белую домашнюю крысу по имени Одуванчик. Крыса смирно сидела у него в ранце, однако на уроке решила погулять. А у Лютки были бутерброды с пахучей домашней колбасой...

Она сунулась зачем-то в портфель и увидела свисающий оттуда крысиный хвост. Да, тогда у нее были точно такие же безумно вытупленные глаза.

Лютка отпихнула Лолу плечом и склонилась над раковиной. Махнув рукой на макияж, она принялась плескать в лицо полные пригоршни холодной воды. Лола встала наготове с бумажным полотенцем. Лютка закончила умывание, потом принялась жадно пить воду прямо из-под крана.

– Эй! – не выдержала Лола. – Здесь вода, конечно, не такая, как у нас, но все же из-под крана пить не стоит...

– Отстань ты! – Лютка подняла голову. – До того ли мне сейчас... Ой, Лелька, как же мне худо...

– Съела что-то не то? – участливо осведомилась Лола, отметив мысленно, что бывшая одноклассница перестала валять дурака и признала в ней свою подругу.

– Да какое там! – Люда махнула рукой и тут увидела, что Лолина одежда в плачевном состоянии. – Ну ты даешь! Собираешься в таком виде домой лететь?

– Издеваешься... – вскипела Лола, – мне ж не выйти... лучше бы помогла!

Люда без слов протянула Лоле свой пиджачок, оставшись в блузке с короткими рукавами. Пиджак сидел на Лоле как влитой, они фигурами еще в школе были похожи.

– Пойдем, я тебя сбоку прикрою...

– Да ты хоть на лицо что-нибудь набросай на скорую руку! – предложила Лола.

– Да черт с ним, с лицом! – отмахнулась Людмила. – До того ли сейчас...

Лола мысленно пожала плечами – она бы с таким лицом на люди нипочем не вышла.

– Шляпу забыла, – спохватилась она, протягивая подруге потерянный головной убор.

– Да выброси ты ее! – раздраженно бросила Люда и скрылась за дверью. Лола поспешила следом.

Тесно обнявшись, чтобы не было видно злополучного кофейного пятна на юбке, дамы прошли через многолюдный зал аэропорта до магазинов.

Выбор не очень впечатлял, впрочем, Лоле было это не важно. Подходящей юбки не было, Лола наскоро приложила к себе брючки. Подошли только красные, неповторимого оттенка пожарной машины. Лола только скрипнула зубами, оглядев себя в зеркале. Красные брюки и

зеленый Людкин пиджак составляли убийственное сочетание, приводящее на память пылающий закат в джунглях или, выбирая более близкие сравнения, пожар на колхозном гумне.

– А что... – ехидно сказала Людмила, – некоторые экстремалки так ходят...

– Ты на себя посмотри! – огрызнулась Лола. – Одежда, может, и в порядке, зато морда...

И по тому, как вытянулось Людкино лицо и губы жалостно опустились, а глаза замигали, Лола поняла, что подруге сейчас гораздо хуже, чем ей.

– Ладно, ничего не поделаешь! – Лола решительно оторвала от брюк магазинную бирку и направилась к кассе, бросив безнадежно испорченную юбку на произвол судьбы – все равно никакая химчистка такое пятно не отчистит!

Они выбрались из магазина и едва не столкнулись с печальной процессией.

Двое мрачных мужчин в черной форме охраны аэропорта несли носилки, на которых лежало накрытое простыней неподвижное тело. Рядом, понурившись, шел усатый испанский врач в небрежно наброшенном на плечи белом халате.

Из-под простыни свешивалась тонкая женская рука, на запястье которой Лола увидела золотые часики. Золотые часики с мелкими розоватыми бриллиантиками.

– Господи... – пробормотала Лола, – это же... это же та самая женщина...

Это, несомненно, была та женщина, с которой случился странный приступ. Та самая женщина, за которой следила Людмила, притаившись за пальмой...

Лола скосила глаза на свою школьную подругу.

С той творилось что-то ужасное – лицо побледнело, как у покойницы, рот мучительно перекосялся, губы дрожали, а глаза чуть не вылезли из орбит...

– Да что с тобой? – проговорила Лола, но поняла, что Людмила ее просто не слышит.

Оставалось одно – срочно дать ей выпить чего-нибудь, причем желательно покрепче.

Лола огляделась и на крейсерской скорости устремилась к ближайшему бару.

Людмила плелась за ней на буксире, позволила усадить себя на высокий стул в баре и очухалась немного, когда Лола поднесла к ее лицу бокал с коньяком.

– Меня развезет... – слабо отбивалась она, – я с самого утра ничего не ела...

– Ничего, зато в себя придешь! – сурово отвечала Лола. – Да и мне стресс надо снять!

– Да у тебя-то какой стресс... – отмахнулась Людмила пренебрежительно.

– Сильнейший! – отрубил Лола. – И постоянно действующий! Попробуй походить в зеленом пиджаке и ярко-красных брюках! Хорошо хоть, знакомых тут нету...

И сглазила, потому что к бару подошла знакомая семейная пара, они отдыхали в одном отеле и не то чтобы подружились, но раскланивались, встречаясь в ресторане за завтраком и ужином. Муж был крупный врач, жена тоже работала в его клинике. Муж при виде Лолы очень оживлялся, говорил двусмысленные комплименты и даже ущипнул один раз в лифте за попу. Лоле было очень неудобно перед его женой, но та только посмеивалась. Однажды, когда они случайно остались вдвоем, настойчивый курортный знакомый полез обниматься, и неожиданно вернувшаяся его жена застала их на месте преступления. Лола ожидала грандиозного скандала, а возможно, и мордобоя и уже зажмурила глаза и втянула голову в плечи.

А когда открыла глаза, то увидела, что они сидят за столом только вдвоем с обиженной женой.

– Ты не сердись, – спокойно сказала та, допивая кофе по-турецки, – это он так в отпуске расслабляется. Работа у него тяжелая и нервная, сама понимаешь, когда от умения твоего зависит, будет человек жить или помрет, все силы в работу вкладывать надо. Вот он и развлекается в отпуске. Хочет, чтобы я приревновала, скандал ему устроила, разводом пригрозила...

– Все ясно, – сказала Лола, – стало быть, у вас вроде как ролевые игры получаются...

– Выходит, так, – натянуто улыбнулась ее собеседница, – так что ты уж подыграй ему, что тебе, жалко, что ли... Это все так, понарошку, ничего серьезного...

Сейчас парочка тоже болталась по зданию аэропорта в ожидании рейса. Муж, увидев Лолу, просиял.

– Что же, дорогая, вы нас со своей симпатичной подругой не познакомите? – спросил он, придвигаясь к Лоле гораздо ближе, чем позволяли приличия.

Лола переглянулась с его женой, и та сразу поняла, что в данный момент подружки не расположены к шуткам и флирту.

– Это ужасно, – вздохнула она, – совсем молодая женщина и вдруг – мгновенная смерть.

– Да-да, – подхватила Лола, краем глаза отмечая, что Людмила позеленела и начала медленно сползать со стула, – я видела ее совсем близко, на меня все это так повлияло, до сих пор не отойду... Вы не знаете, отчего она умерла?

– Ну, я, конечно, не осматривал тело, – муж вспомнил о своей профессии и немного отодвинулся от Лолы, – однако симптомы напоминают инфаркт.

– Такое бывает? – напряженным голосом спросила Люда. – Вот так вдруг, она же молодая...

– Все бывает, – вздохнул доктор, – провела две недели на южном солнце, да еще вы вечно на диетах сидите... вот сердце и не выдержало. Впрочем, это мое личное мнение, возможно, здешний врач вынесет другой вердикт.

Договаривал он уже на ходу – жена настойчиво подталкивала его прочь от подруг.

После коньяка Людку и вправду развезло, она положила голову на стойку бара и все порывалась зарыдать по своей неудавшейся жизни. Пришлось отпаивать ее крепким кофе, потом впихнуть еще бутерброд с ветчиной и булочку с вареньем.

И наконец объявили посадку. Лола попросила стюардессу найти им два свободных места рядом. Людмила выглядела получше, но все же оставлять ее надолго одну Лоле не хотелось.

– Ну, – требовательно заговорила она, когда внизу, быстро уменьшаясь, бежали поля и нарядные домики райского острова, – рассказывай, что у тебя стряслось.

– С чего ты взяла? – фальшиво улыбнулась Люда. – Все у меня хорошо, домой вот лечу после отдыха...

– Угу, и хорошо отдохнула? – ехидно осведомилась Лола. – Море, солнце, спа-процедуры, коктейли на берегу, романтические прогулки при луне...

– А что тебя не устраивает? – Людмила хотела задать вопрос самым агрессивным тоном, а получился жалкий.

– Твой внешний вид меня не устраивает! – Заметив, что мужчина, сидевший через проход, усиленно прислушивается к разговору, Лола немного понизила голос. – Ты не забыла, подружка, что мы с тобой сто лет знакомы? И между прочим, в школе до седьмого класса сидели за одной партой!

– А потом ты влюбилась в Альку Солодовникова и пересела к нему! – В Людкином голосе прозвучала застарелая обида.

– Да ты что? Я – влюбилась? – завопила Лола, перекрывая шум моторов. – Да меня классная, Марья Павловна, к нему пересадила, чтобы я на него положительно влияла!

– Ой, не могу! – Людка зло рассмеялась. – Кого ты пытаешься обмануть? Да все в классе знали, что ты в него втрескалась по уши, Алька сам говорил!

– Ах он паразит! Вот приеду к тетке, разберусь с ним, он рестораном на берегу владеет, так я на него налоговую и санэпидстанцию напущу, будет знать, как врать!

– Девочки, нельзя ли потише, – повернулась к ним с переднего сиденья старушка в бифокальных очках, – от вашего крика самолет в резонанс войдет и в воздухе развалится.

– Извините. – Лола наклонилась к подружке и зашептала: – Ты не заговаривай мне зубы. Альку оставим в покое, сказала же, что с ним разберусь. Ты давай про себя рассказывай! Я же вижу, что ты чего-то боишься. И за той несчастной девицей ты следила, да еще так бездарно, шляпу дурацкую напялила. Людка, у тебя совсем крыша съехала! Говори давай!

– Ой, права ты, Лелька, как мне страшно – не представить! – Люда всхлипнула. – Только если рассказывать, то долго получится, иначе ты не поймешь...

– Ничего, у нас время есть, больше трех часов лететь! – обрадовалась Лола. – Слушаю тебя внимательно!

По проходу стюардесса толкала тележку с напитками. Людмила попросила воды и начала рассказ:

– Мы с тобой сколько не виделись?

– Да уж давненько... – пробормотала Лола, с некоторых пор она взяла за правило не называть вслух никаких цифр. В самом деле, сболтнешь так сдуру, что с бывшей одноклассницей не виделась лет десять, и люди сразу прибавят в уме к семнадцати десять и вычислят твой возраст. А кому охота, чтобы посторонние люди знали о тебе такие, можно сказать, интимные подробности? Это когда тебе и вправду семнадцать, можно честно и безбоязненно называть свой возраст, а после двадцати пяти все гораздо сложнее.

– А вот я тебе точно скажу, – оживилась Людмила, – в последний раз мы с тобой виделись, когда Танька Саломатина замуж вышла. И было это десять лет назад, потому что Танька уже с пузом ходила, елееле восемнадцати лет дождалась, а раньше ей родители официального согласия не давали.

– Ты давай про себя, – посоветовала Лола, отхлебнув томатного сока, – а то уж больно издалека начинаешь.

– Ладно, значит, ты уехала, в институт театральный поступила, ты у нас всегда артисткой была, плакать умела по заказу и рожи дурацкие корчить...

«Сама ты рожа дурацкая...» – обиделась Лола, но промолчала на первый раз.

– В общем, поболталась я год, родители все твердят про высшее образование, заели совсем, деньгами попрекают. Хотела тоже в Москву или в Питер уехать – куда там, такого наслушалась! И девичьи все поголовно в больших городах легкого поведения, а парни – как один наркоманы. И ни в какой институт я не поступлю, а буду болтаться без дела и из родителей деньги тянуть. И толку с меня никогда не будет, и за что только им досталось такое наказание... Ну, ты моего отца помнишь, он в словах не стесняется.

– Угу. – Лола выразительно посмотрела на часы, давая понять, что время полета уходит.

– Школу я стороной обходила, за десять лет обрыдло там все, сама знаешь. А тут вдруг у директора юбилей, ну и поперлись мы от скуки поглядеть. Ну и встретила я там Германа...

– Это какого же, практиканта, что нам литературу преподавал? – оживилась Лола. – Такой... в очках круглых, как Гарри Поттер? Вот, Людка, точно у тебя с ним в последнем классе что-то было! А ты еще на меня ругалась, когда я у тебя спрашивала!

– Ну было, – насупилась Люда, – а чего ты в душу лезла? Тебе что, больше всех надо?

– Слушай, так мы из-за него, что ли, в последней четверти поссорились? – ахнула Лола. – И с тех пор так и разошлись?

– Да дуры мы были обе, вот что! – вздохнула Люда. – Ты слушай. Заморочил мне этот Герман голову еще в школе. С одной стороны разговоры умные, а с другой – вроде мы с ним общаемся по-простому, не как учитель с ученицей. И еще он меня отличал из всех или просто вид делал, в школе же не разобраться... в общем, были мы с ним как-то особенно близки...

– То есть ты с ним в последнем классе трахалась? – невежливо перебила Лола.

– Ой, ну в том-то и дело, что нет! – Людмила возмущенно замахала руками.

Старуха, сидящая спереди, повернулась и посмотрела на них сквозь свои бифокальные очки с явно выраженным недовольством.

Лола твердо встретила ее неприязненный взгляд и не отвела глаз. Очки укоризненно блестели. Лоле захотелось посоветовать старухе повернуться вперед, а не то самолет тряхнет на воздушной яме, и бабуля может свернуть себе шею.

– Ты не понимаешь, – зашептала Люда, – в том-то и дело... Все же спать-то со школьницей учителю никак нельзя, за это статья полагается. А так, голову крутить, мозги пудрить – на это Герочка мастер был. В общем, после школы все как-то разошлись, а тут такая встреча. Я вроде как не у дел, приятно поговорить со старым другом. Начались опять у нас беседы умные до утра по телефону да прогулки вдоль моря. Слово за слово, договорились до любви, планы на будущее строили. Он меня уговорил в педагогический поступать: такими красками расписал профессию учителя – любо-дорого послушать!

– С ума сошла! – не удержалась Лола.

– Угу, – согласилась Люда, – да тут еще мои родители им просто очарованы были. Маме он совсем голову заморочил, а отец... Вот скажи, откуда в том поколении почтение такое к врачам и учителям? Нет, я, конечно, ничего плохого сказать не хочу, разные бывают случаи, но почему, скажи на милость, если человек белый халат наденет или в школе перед классом встанет в третью позицию, то считается, что он умнее других, его надо слушать внимательно и все делать, исключительно как он говорит?

– Ты ближе к теме, – снова посоветовала Лола. – А то до посадки не уложишься.

– И верно. В общем, поступила я в институт педагогический, а с Герочкой мы поженились. Отец настоял – приличный, говорит, человек, не чета твоим охламонам невоспитанным в драных джинсах. Те при встрече и здрассте сказать не могут, а этот вежливый, обходительный, уважаемый человек, детей учит.

– Угу, сеет разумное, доброе, вечное... – не без ехидства подсказала Лола.

– Примерно так, только мой папочка таких слов не знает, – согласилась Люда и продолжила: – Прожили мы с Германом чуть больше года, и убедилась я, что дурак он полнейший, пробы ставить негде. Истории его все повторяются, мыслей умных в голове штуки четыре всего, и то не его они, а в книжках прочитанные. И он их очень удачно к месту в разговоре вставляет. Ну, для школьниц может оно и подходит, а жене-то большее требуется. Любовь, забота, поддержка, я уж про деньги не говорю. С этим сразу же проблемы начались – работу менять не хочет, а получает гроши. Да у меня стипендия копеечная. Ну где я только не прирабатывала, это даже рассказывать неинтересно. Приползаю с работы поздно вечером, а дома шаром покати, от чего ушла, к тому пришла. И детки сидят великовозрастные, все больше девицы. Снова разговоры у них умные, о литературе споры, мой Герочка речи толкает, а они его слушают, дыхание затаив.

А уйдут они – муженек мой есть требует, проголодался от разговоров-то.

– Что, неужели ничего путного в нем не было? – спросила Лола. – А с сексом-то у вас как было?

– Да понимаешь... – Люда замялась, подбирая слова поприличнее, – вроде бы и был секс у нас, но все как-то... ну, неинтересно, что ли... Не было у Герки чего-то...

– Драйва, – подсказала Лола.

– Точно! – обрадовалась Люда удачно найденному слову. – Душу он в это дело не вкладывал! Вот в речи свои – вкладывал, а в постели – так-сяк – и опять за разговоры...

– Тяжелый случай... – усмехнулась Лола.

– А я о чем? Ну никакого от него толку!

Разговор был снова прерван старухой в бифокальных очках. На этот раз очки у нее буквально раскалились от возмущения.

– Послушайте, вы не могли бы прекратить обсуждение интимных проблем в публичном месте? – прошипела она, и глаза из-под очков глядели на подруг с неприкрытой ненавистью.

– А вы не могли бы не подслушивать и не вмешиваться в чужие разговоры? – тут же завелась Лола.

– Не надо так волноваться, – неожиданно поддержал ее солидный мужчина, сидевший через проход, – уважаемая, отвлекитесь на время от чужих проблем, выпейте минеральной водички, почитайте газетку. Скоро еду принесут...

Старуха поперхнулась от неожиданности и обвела своими очками салон в поисках поддержки. Разумеется, никому не было до нее никакого дела, кто-то из пассажиров дремал, кто-то читал журналы, кто-то разговаривал тихонько. Старуха закрыла рот так резко, что лязгнули вставные зубы, и ушла в глубину кресла, как черепаха в панцирь. Сосед подмигнул Лоле и уткнулся в газету.

– Да переходи же ты к сути, – зашептала Лола, – а то еще кто-нибудь привяжется!

– Еще долго, – обнадежила ее Людмила, – имей терпение. В общем, продержались мы с Геркой года два, может, немного больше, а потом такая меня тоска заела с ним – хоть вешайся! И малолетки все время звонят и домой его провожают, все он с ними возится – то в походы, то на экскурсии... В общем, надоело мне это все до чертиков, поскандалили мы как-то, перебила я тарелки, что родители нам на свадьбу подарили, да и ушла обратно к ним. Потому что жили мы в квартире Геркиной тетки какой-то, своего-то у него ничего не было, делить нечего.

«А все же замужем Людка была, хоть и неудачно, – вдруг подумала Лола тоскливо, – а тут сидишь, как будто чумичка какая-то, никто и не посмотрит...»

Она тут же опомнилась и призвала себя к порядку. Все у нее хорошо, она прекрасно отдохнула, посвежела, набралась сил, дома ее ждут обожаемый Пу И и другие звери, а также ее верный друг и компаньон Леня Маркиз, по которому она тоже очень соскучилась. Почти так же как по песику. И мужчины вовсе не обходят ее вниманием, да вот хотя бы этот Антон, с которым они провели без малого две чудные недели...

«Да, а жениться-то никто не хочет...» – проскрипел в душе противный голос.

«Как это не хочет? – вскинулась Лола. – Да сколько было в моей жизни предложений руки и сердца, считать замучаешься! Просто я сама не хотела связываться. Этот муж... какой он еще попадется... напорешься на зануду или скупердя... И еще свекровь... нет, все это как-то неопределенно...»

«Говори, говори... – издевался все тот же голос, – а факты свидетельствуют сами за себя. Ты ни разу не была замужем и попробуй доказать Людке, что сама этого не хотела!»

Лола совсем расстроилась, а Людмила настойчиво теребила ее за рукав:

– Ты будешь слушать или нет? То торопишь, как на пожар, а то застыла, как мумия...

«Сама ты мумия», – обиделась Лола, но вслух ничего не сказала. Для этого был неподходящий момент.

– В общем, вернулась я к родителям, и начался в моей жизни форменный ад, – говорила Люда, – отец совсем с катушек съехал, каждый день поедом ест и куском попрекает. Устроилась я официанткой по вечерам в небольшой ресторанчик на берегу – кстати, Алька Солодовников и помог мне с работой, он потом тот ресторан выкупил. Домой прихожу за полночь – пока посетители разойдутся, пока кассу снимут, пока то-се, так отец прямо с порога неприличными словами обзывать начинает. И ничего ему не докажешь!

– Ужас! – вздохнула Лола и приняла от стюардессы пластиковую коробочку с едой.

Из холодных закусок наличествовали только зверски переперченная копченая колбаса, засохший сыр и греческий салат, в котором опять-таки был один перец. Булочка была в лучшем случае трехдневной давности, хлеб – сырой и кислый, масло заветренное. Лола хотела было громко возмутиться, но вовремя вспомнила, чего и сколько съела в аэропорту на Мальорке, и решила, что малость поголодать в полете ей будет только полезно.

– Какая гадость! – грустно сказала Людка, ковыряясь в греческом салате. – Это разве перец? Ты помнишь, какие перцы фаршированные моя мама делала?

– А синенькие? – подхватила Лола. – А помидоры? Вот у нас в Черноморске помидоры!

Она поймала себя на интонации своей тетки Калерии Ивановны. Тетка была пламенной патриоткой города Черноморска и прекрасно умела готовить различные блюда из овощей. Впрочем, остальное тоже, Ленка до сих пор, вспомнив то благословенное время, когда тетя Каля недолго гостила у них, замасливает глаза и блаженно жмурится, как толстый кот на солнышке.

– Мясо или курица? – наклонилась к Лоле стюардесса.

Лола выбрала курицу, которая так разопрела, что непонятно было, где курица, а где рис.

– И соус пресный... – ворчала Людка. – Чем они кормят пассажиров? Это же просто невозможно есть!

– А кашу на воде не хочешь? – повернулась к ним все та же скандальная старушенция. – Заелись! Мы в свое время и такому были бы рады...

– Ну что вы к нам привязались... – простонала Людмила. – Чего вам надо?

– Тсс... – слышалось сбоку.

Лола повернула голову и увидела, что сосед показывает ей фляжку с коньяком. Лола улыбнулась и отрицательно покачала головой – не пьем, мол, мы девушки приличные. Сосед тоже улыбнулся и показал знаками, что по капельке в кофе, чтобы стресс снять, и приличным девушкам можно.

– Мамаша, – обратился сосед к старухе, – коньячку не желаете, буквально пятнадцать грамм, чтобы настроение поднять? А то вы что-то очень сердитая...

Старуха повернулась к нему, глаза ее под бифокальными очками зажглись красным светом, как у оборотня. Она открыла было рот, чтобы высказать все, что думает, но встретила с мужчиной глазами и передумала. Лола со своей стороны повнимательнее пригляделась к мужчине. Так себе, ничего особенного, одет просто, но прилично. Взгляд уверенный, улыбка приятная.

Мужчина снова ей подмигнул, и Лола задала себе вопрос: клеит он ее или просто так развлекается от нечего делать? Поразмыслив, она решила, что клеить ее в данный момент никто не может – после четырехчасового ожидания в аэропорту, да еще в таком прикиде – зеленый пиджак и красные брюки!

– Спасибо вам, – шепнула Лола, – бешеная какая-то старуха попалась, поговорить не дает.

Они выпили кофе с коньяком, и Людмила продолжала свой трагический рассказ:

– Значит, институт я бросила – сил не было. Вкалываю официанткой, тут лето настало, народу понаехало – страшное дело. И заметил меня один там такой... вообще-то бандюганом он был, хоть и притворялся поначалу, что бизнесмен. Может, и был у него бизнес, только криминальный. Но ко мне вроде по-хорошему, браслет золотой подарил, денег дал, чтобы комнату снять, потому что отец мой, когда узнал, что институт я бросила, совсем озверел, дома невозможно стало находиться. Ну, потихоньку привыкла я к Михаилу этому, хотя видно было, что опасный он человек. Вроде бы и молодой, меня лет на пять всего постарше, а посмотрит иногда, такое в глазах покажется – мама, не горюй! Он ко мне неплохо относился, а прошло несколько месяцев, он как-то и говорит, что давай, мол, вместе жить. «Ты, – говорит, – не жадная, много не требуешь, как другие, красивая, и характер хороший».

– И ты согласилась? – не утерпела Лола.

– Согласилась, потому что захотелось в нормальных условиях пожить! – Люда повысила голос. – Сама посудите: работаю как вол, зарплата у официантки маленькая, с чаевых половину отдай хозяину. Комнату снимаю у бабки такой скандальной, вот как эта наша... – Люда кивнула на переднее сиденье. – А Мишка меня с работы снял, поселил в приличной квартире, море рядом, денег давал на жизнь достаточно. Сам в Черноморске не сидел, все время ездил куда-то по делам, а мне и лучше. С отцом на улице встретила – он мне в лицо плюнул. Мама против него идти боится, ничего не говорит.

Подруги все, кто замужем, дома с детьми малыми сидят, кто, как ты, подался в другие города, некоторые – вообще за границу. Герка мой, как мы развелись, сразу же стал с девицей жить, которая к нам чаще других бегала, она как раз школу закончила. В общем, все как-то устроились, только я не пойми кто. Ну, еду как-то я на машине, мне Мишка новенький «фольксваген» купил, и вижу – идет наша биологичка Мымра Романовна. Сколько мы ей крови перепортили за годы учебы, а ведь хорошей теткой оказалась!

– Да ну... – усомнилась Лола, – быть не может...

– Ты слушай, – строго сказала Люда, – слушай и не перебивай, я и сама собоюсь, без посторонней помощи! Значит, торможу я так с шиком возле Мымры, не надо ли подвезти, спрашиваю. Она поглядела так через очки, узнала меня и согласилась. Доехали до дома, я сумку тяжелую помогла донести, она меня на чай пригласила. Посидели, у нее варенье из грецких орехов вкусное очень, она и спрашивает: «Как, Люда, живешь? А то одета ты довольно дорого и со вкусом, машина новая, красивая, а по глазам видно, что счастья нету». И вдруг все я ей рассказала, сама не понимаю, что на меня такое нашло, как плотину прорвало. Не очень-то мы ее в школе жаловали, изводили страшно, да ты сама помнишь, а вот оказалось, что душу раскрыть, кроме нее, мне и некому. Так все постепенно и выболтала – и про родителей, и про Герку-дурака с его малолетками, и про нынешнего моего Мишку, что ненадежно и очень опасно с ним жизнь связывать, а деться некуда.

Выслушала меня Мымра внимательно, не перебивала, замечания дурацкие не вставляла не по делу... – Тут Людка сделала очень выразительные глаза.

«Сама ты дура», – в который раз обиделась Лола.

– А потом и говорит: «Не валяй, Людмила, дурака и не трать зря время, которое тебе судьбой отпущено. Нечего сидеть и сокрушаться – как быть, что делать, есть минутка свободная – займись чем-нибудь полезным. Что ты все по салонам да по фитнесам мотаешься, сама же знаешь, что так не всегда будет, ненадежный у тебя сожитель, у тебя с ним никакого будущего нету».

– А ты ей не сказала на это, – прищурилась Лола, – чтобы не учила жить, а лучше бы помогла материально? В смысле, что советы-то все давать умеют, у нас раньше была страна советов...

– Хватило ума не хамить, – серьезно ответила Люда, – потому что Мымра не просто нотации читала, а дельный практический совет дала. «Заканчивай, – говорит, – курсы по турбизнесу, я потом тебе работу найду». Оказалось, сын у нее владелец крупной турфирмы, и в Москве, и в Питере офисы есть, и даже за границей представительства. «Ты, – говорит, – в школе умницей была, английским занималась, а от такой праздной жизни пропадешь совсем». Ну, Мишка денег на курсы дал, не стал спорить: я сказала, что без него скучно, чем по барам и клубам болтаться, лучше я при деле буду. А как прошло полгода и мне как раз время эти курсы заканчивать, тут-то все и случилось... – Людмила вздохнула, опустила глаза и продолжила: – Приходят как-то вечером ко мне двое его приятелей и говорят, что Мишку убили при разборках. Кто там виноват, случайно это вышло или намеренно, я без понятия, в общем, как они сказали, попал мой Мишка под раздачу. И чтобы я милиции сказала, что ничего про это знать не знаю и ведать не ведаю. А что я знала? Ничего, а тут от страха вообще память отшибло. Ушли они, а меня всю трясет, как в ознобе, и температура от нервов поднялась.

– Точно, я помню, у тебя на каждом экзамене от страха температура подскакивала! – снова не утерпела Лола.

– Ну, посидела я два дня дома тише мыши, а потом повестка из милиции пришла. Таскали меня, конечно, больше месяца, нервы трепали, доставали по-страшному, но я держусь твердо: ничего не знала, что у Мишки бизнес криминальный – об этом понятия не имела, о делах с ним не говорила и друзей его, компаньонов и подельников в глаза не видела. Похудела за этот месяц, страшная стала как смерть, но из последних сил курсы все же закончила и бумажку

получила. Деньги, что Мишка оставил, потихоньку кончаются, вещей особо ценных у меня не было. Да еще как назло машину разбила от нервов-то, хорошо, что в столб врезалась, у него претензий ко мне никаких не было. Позвонила Мымре Романовне насчет работы, она не отказывается. «А еще собери, – говорит, – вещи, что поценнее, да принеси ко мне вечером, чтобы никто не видел». Ну, взяла я шубу да золотишко кое-какое, документы опять же, да и отнесла ей, когда темно было.

– Надо же, а я ничего и не знала... – задумчиво пробормотала Лола.

– И тут буквально на следующий день прихожу я домой, а дверь открыта. Думала воры, а оказалось – сестра Мишкина приехала из Николаева, и тетка. Как увидели меня, так и заорали, чтобы я из чужой квартиры выметалась немедленно да ничего с собой не прихватила. Я было скандалить, да куда мне против них. Обе как свиноматки, пудов по восемь. А к тому же у меня и правда никаких прав: квартира-то на Мишку куплена, а я ему никто. Просила по-хорошему хоть несколько дней пожить, пока я себе что-нибудь найду, да они только еще больше разорались. А если не хочешь, говорят, неприятностей, то вали отсюда немедленно, а не то Мишкины поделщики сильно интересовались насчет денег, вроде бы деньги у них большие пропали, так вот не иначе, как у меня они. Сестра орет, а тетка все по шкафам шарит, белье пальцами корявыми перетряхивает, меня чуть не стошнило. Снова от нервов температура поднялась, стою как в тумане, голова кружится, ничего не соображаю. От страха немного в себя пришла, стала чемодан собирать, так они каждую тряпку проверяли, чтобы ничего ценного не унесла. Вот когда я Мымру Романовну добрым словом вспомнила!

«Как же так, – думала Лола, уставившись в окно, где под самолетом лежали толстые ватные облака, – ведь мы с Людкой так дружили в школе. Потом поссорились из-за какой-то ерунды, я уехала, и мы даже не переписывались. Я понятия не имела, сколько всего с ней приключилось. Конечно, во время учебы у меня тоже хватало проблем, но все же как нехорошо забывать друзей...»

– Ты снова не слушаешь, – огорчилась Люда, – тебе всегда были неинтересны мои проблемы...

– Что ты, – Лола виновато улыбнулась, – ты продолжай, я слушаю внимательно.

– Вышла я из дому, идти совершенно некуда... К родителям среди ночи, когда несколько месяцев им не звонила и на глаза не показывалась, – нечего и думать, отец не то что на порог не пустит, еще с лестницы спустит. На гостиницу денег нету, на вокзале – стыдно, что я, бомж, что ли. В общем, поехала я снова к Мымре. Так, мол, и так, говорю, из квартиры выгнали, да еще и бандиты мной интересуются на предмет неизвестных денег.

– А она что? – снова встряла Лола.

– Да ничего. Позвонила сыну в Петербург, он сказал, что есть место. Я у нее денег на дорогу заняла, да и уехала на следующий день. Сняла квартиру, устроилась на работу, выбросила из головы город Черноморск, никому не писала, не звонила, Мымра Романовна так велела, чтобы бандиты на след не напали.

– Ну это надо, какая славная тетка оказалась! – восхитилась Лола. – Главное, какая практичная и деловая! А когда нам в классе про тычинки и пестики толковала, на нее без скрежета зубовного и смотреть невозможно было!

– Да уж, на всю жизнь ее запомню. Ну, работаю потихоньку, огляделась, перышки почистила, съездила в Турцию, в Италию и Париж – все по работе. Приделась, лоск приобрела – надо, думаю, мужа искать. Годы идут, двадцать шестой уже пошел, пора найти приличного человека и остепениться. И тут приходит к нам Вадим, путевку ему нужно было на Сейшелы. У нас девочки многие за VIP-клиентов замуж повыходили. Так что я как увидела его – сразу поняла, что это для меня очень хороший вариант.

У Лолы неприятно заныло сердце. Вот ведь Людка, и второй раз замуж вышла. А тут сидишь как последняя дура и ждешь у моря погоды. А годы-то идут, это Людка верно заметила.

Лола и сама знает, что молодость не вечна, однако как-то расслабилась, пустила дело на самотек. И вот вам результат – двадцать восемь лет, и не то что не замужем, а и на примете никого нету! Мама дорогая, как же она так прокололась! Как же так запустила собственную жизнь!

– Ты чего ерзаешь? – оглянулась на нее Людмила. – В туалет, что ли, надо?

– Да, пожалуй, пройдусь немного, а то все себе отсидела, – не своим, каким-то сдавленным и скрипучим голосом ответила Лола и выбралась из кресла в проход.

Сосед, что сидел сбоку, немедленно бросил свой журнал и устремился за ней. В туалете была очередь, и пока ждали, сосед втянул Лолу в пустой, ничего не значащий разговор – в каком отеле она отдыхала, что больше всего понравилось на Мальорке и полетит ли Лола туда еще раз. Лола отвечала – приветливо, но осторожно и поскорее ускользнула в туалет.

Вид в зеркале был отвратительный, лицо бледное, под глазами жуткие синяки, волосы висят безжизненно, кожа тусклая. Да уж, с таким лицом не то что замуж – в уборщицы не устроиться.

«Это все ерунда! – сказала себе Лола. – Просто здесь освещение неудачное, да еще в самолете все выглядят неважно от высоты и обезвоживания. Недаром считается, что стюардессы быстро стареют. Да еще жуткий зеленый пиджак бросает ответ...»

Она вышла, и когда попыталась разминуться с соседом в узком проходе, он прижался к ней слишком сильно, чтобы это выглядело случайностью.

«Клеит», – уверилась Лола, но радости ей это не прибавило, только вызвало раздражение.

По дороге она попросила у стюардессы еще водички и вернулась на место. Лола была усталая, недовольная, ей хотелось поскорее домой, принять ванну с морской солью, выпить чаю и поваляться на диване, обнимая Пу И. А сейчас просто отключиться и подремать в кресле, но Людка, несомненно, настроилась на продолжение своего душераздирающего рассказа. Вообще выглядела она получше, после еды и коньяка щеки порозовели, и Лола задала себе мысленно вопрос, какого черта она с ней возится.

– Ну ладно, рассказывай о своем счастливом втором замужестве, – вымолвила она, устраваясь поудобнее, – если не возражаешь, я глаза закрою, а то свет режет.

– Да все поначалу хорошо было. – Людка покосилась на Лолу, но промолчала. – Человек солидный, меня на тринадцать лет старше. То есть вроде не мальчик, а и не старик. Внешне ничего себе, представительный, со мной по-хорошему, с уважением. Воспитанный, говорит вежливо, никакого тебе мата, как от Мишки наслушалась я. Да и не болтун, как Герка, первый мой муженек. Кстати, Мымра Романовна рассказывала, как он теперь живет. Все так же в школе преподает, и каждый раз на его речи какая-нибудь девчонка глупая западает. Значит, заканчивает она школу и от большой любви сразу начинает с Геркой жить, как взрослая. Все в той же квартире, но тетка ее Герке дарить не хочет, боится, что обманут его, и правильно, кстати, мыслит. Дальше проходит несколько месяцев, девочка взрослеет, оглядывается по сторонам, а к Герке, наоборот, внимательно присматривается. И понимает, что он дурак. Ни любви с него, ни денег, ни жилплощади. Девчонка помается, да и удирает обратно к родителям, редко кто больше полугода выдерживает. Ну, это я так к слову, лирическое отступление.

– Да ты уж переходи к делу, вон самолет уже на снижение идет, – проговорила Лола, не открывая глаз.

– Короче, понравился мне Вадим, решила я, что он судьба моя. И постаралась уж ему эту мысль внушить. Да он не очень и сопротивлялся. Ну, стали мы встречаться, он не жадный, не грубый, свой бизнес у него, квартира пять комнат на Петроградской стороне, на Пушкинской, возле цветочного магазина...

– Знаю. – Лола открыла глаза и посмотрела на подругу внимательно – квартиры в этом месте, она знала, всегда котировались и стоили очень больших денег.

– Он мне про себя мало рассказывал, ну, ясное дело, женат был когда-то, с женой расстались они по-хорошему, детей нету, родители его умерли давно, а раньше жили все в этой вот

квартире. Когда-то она коммунальной была, Вадим всех жильцов расселил, сделал отличный ремонт и уезжать оттуда не захотел, при разводе купил жене приличную двушку. Ну, я про себя думаю, хорошо, что сразу он все прояснил, расставил точки над *i*, так что есть надежда, что и меня при разводе не обидит, хотя бы ту же двушку купит. Хотя, если честно, Лелька, я тогда про развод совершенно не думала. Очень он мне нравился, хотелось с ним жизнь основательно строить и детей заиметь.

– И за чем же дело стало? – Лола не смогла убрать из своего голоса некоторую часть ехидства.

Ну ничего она не могла с собой сделать, она элементарно завидовала подруге, что та была уже два раза замужем, а она, Лола, ни одного. И никакой логикой, никакими здравыми рассуждениями и ссылкой на то, что с первым замужеством Людмиле явно не повезло, Лоле было не унять свою зависть.

– Да слушай ты! – раздраженно закричала Людка. – Что ты все перебиваешь?

– Ты чего? – Лола от неожиданности едва не свалилась с кресла, хорошо что подлокотники удержали. – Ну ладно-ладно, говори, подруга, я слушаю...

– Съездили мы отдохнуть на Сейшелы... или нет, на Сейшелы он еще без меня, а мы с ним потом на Мальдивы... Или в круиз по Карибским островам... не помню я. Ну, там он мне предложение сделал – все как полагается, честь по чести, шампанское пили, кольцо вон подарил. – Людмила протянула Лоле руку, на пальце сверкал вполне приличных размеров бриллиант.

И снова у Лолы заныло ее глупое сердце. У нее дома в сейфе лежало, может, и не очень много драгоценностей, но все они были дорогие и отличного качества. Лола был женщиной состоятельной и могла купить себе хоть десять колец с бриллиантами, но ей хотелось, чтобы был тихий ужин в ресторане, и свечи горели, и на столе стояли розы, искрилось в бокалах шампанское, и умный, красивый и вообще замечательный мужчина наклонился к ней близко и сказал негромко, что просит ее быть его женой. И надел бы на палец кольцо с бриллиантом. Боже мой, как же это неосуществимо! Неужели ей, Лоле, суждено быть несчастной и одинокой всю жизнь?

– Поженились мы скромно, я маме только позвонила и сообщила уже после. Ну, стали жить. Вроде бы все хорошо, я на рожон не лезу, когда он усталый с работы приходит, он на мне злость не срысывает. Работу я бросила, занимаюсь домом, веришь ли – обеды ему сама готовила, от скуки-то чего не сделаешь?

– Бывает... – буркнула Лола.

Она и сама, внимая советам своей замечательной черноморской тетки Калерии Ивановны, готовила иногда для Лени обеды и ужины. Тетка утверждала, что мужчину нужно кормить вкусно и разнообразно, тогда он будет сытый и сонный и никаких крамольных мыслей в его голову не придет.

– Все хорошо, стала я уж и о ребенке подумывать, – говорила Люда, – а то вроде и скучновато иногда делается. Подруг у меня мало, прежние-то девочки из турфирмы все работают, им некогда по спасалонам да по фитнесам бегать. А новые не подруги, только приятельницы – так, столкнешься мимоходом где-нибудь, ну кофейку выпьешь, разговоры все больше о тряпках, да кто какие процедуры делает, кто на какие курорты ездит. Короче, заскучала я, а тут как-то пригласил нас с Вадимом его компаньон на деловой ужин. Ресторан дорогой, я вся прикинута по высшему разряду, платье в Париже покупала, знаешь там магазин на улице Риволи возле фонтана?

– Да знаю... – отмахнулась Лола, – не нравится мне тот магазин, ну да ладно...

– Ну, иду это я носик попудрить, выскакивает прямо на меня какой-то мужик из бара – и с ходу обниматься: «Лиля, здравствуй, сколько лет, сколько зим! Отлично выглядишь! Просто блеск!»

«Извините, – говорю, – вы меня с кем-то спутали, я не Лиля вовсе». Мужик-то вида самого респектабельного, упакован по полной программе, костюм от Армани, часы на руке «Филипп Патек», а что выпивши – так что в баре делать, если не пить...

Он отскочил так, оглядел меня всю – не то чтобы нагло, просто весело – и говорит: «Ой, что ты меня разыгрываешь, я же своими глазами видел, что ты с Вадькой Коврайским рядом сидела! Значит, ты – Лилия, его жена, я тебя помню».

Ну, тут я все поняла. «Перепутали, – говорю – вы меня, я, конечно, и правда Вадима Коврайского жена, только не Лилия, а Люда. Людмила Коврайская. А Лилия, наверное, первая жена была, вы с ней были знакомы...»

– Интересная ситуация! – оживилась Лола. – А он что?

Оживление ее было искусственным, потому что душу опять грызла зависть. Вот ведь у Людки и фамилия в замужестве красивая оказалась! Была Веснушкина, стала Коврайская. А она, Лола, как была Чижовой, так и осталась. В школе, ясное дело, дразнили Чижиком-Пыжиком, а неизвестно еще, с какой фамилией муж попадет. Если вообще попадет. Может, и менять свою не захочется. А мужчины гордые очень, встанет в позу: «Если меня любишь, то и фамилии моей стесняться не будешь!» Вот и станешь какой-нибудь Глистогиновой или Перевийного...

Лола поежилась и стала слушать.

– Да он ничего, – отвечала Люда, – обалдел так маленько, глазами хлопает удивленно, потом и говорит, что прощения просит и, верно, обознался, давно с Вадимом не виделись, он и не знал, что тот жену поменял.

– Так и сказал – поменял? – веселилась Лола. – Как будто машину или квартиру? Менял я женщин трам-пам-пам-пам как перчатки...

– Тебе весело, а мне как-то не по себе стало, – вздохнула Люда, – извинилась я и пошла в туалет. Там нарочно долго проторчала перед зеркалом, а когда вернулась, тот тип уже с Вадимом поговорил и ушел. Мы за столом не одни были, я не стала ничего спрашивать, а после как-то забылся этот эпизод. Только в голове отложилось, что жену его бывшую Лилей звали. И один неприятный вопрос в душе занозой торчал – сказал тот мужик, что мы очень похожи с этой Лилей, оттого и перепутал нас, а у меня такое впечатление сложилось, что женат на ней Вадим был довольно давно. Стало быть, она меня гораздо старше, и как же этот тип мог нас перепутать?

– Ну, мужчины в этом не очень понимают... – неуверенно протянула Лола, – видит – фигуры похожи и масть та же, а морщины считать он же не станет, он же не косметолог... Сама же ты говорила – он пьяный был, а в пьяном виде среднему мужику любая уродина красавицей кажется... Ой, извини!

– Ну спасибо, – Людмила сверкнула глазами, – спасибо, подруга, на добром слове!

– Да ладно тебе, все у тебя с внешностью в порядке...

– И то верно, – успокоилась Люда, – мне сейчас не о том беспокоиться надо... Более серьезные у меня проблемы!

Лола удивилась – по ее мнению, никаких более серьезных проблем, чем ее внешность, в мире не существовало. Ну, если только, не дай Бог, заболит Пу И... (чтоб не сглазить).

– Ты не плюйся, а слушай! – проворчала Людка. – А то и верно, скоро уже посадка. Значит, прошло еще какое-то время, несколько месяцев, помню, что весна уже наступила, сижу я как-то дома, и вдруг приносят заказное письмо на имя моего мужа. Я расписалась, гляжу – а конверт расклеился. И тут взяло меня любопытство. Ну, думаю, все равно оправдываться, семь бед, один ответ... я разорвала конверт до конца, да и прочитала. И как прочитала, то так в прихожей на пол и сползла, ноги не держали.

– С чего это тебя так разобрало? – полюбопытствовала Лола.

– А написано там было следующее: «В связи с предстоящей реконструкцией кладбища и переносом могилы Коврайской Людмилы Николаевны просьба срочно явиться в дирекцию кладбища по адресу такому-то». И часы приема.

– Круто! – Больше Лола не нашлась, что сказать.

– Угу, и как увидела я эти строчки перед глазами «могила Коврайской Людмилы Николаевны», так чуть ума не лишилась. Ведь это же я, Коврайская Людмила Николаевна! Это что же – мою могилу там где-то переносят? Короче, муж приходит с работы, а я так и сижу в прихожей на пуфике и трясусь. Он письмо прочитал, все понял, коньяком меня отпоил, потом и говорит, что это его первая жена, тоже она была Людмила, и отчество совпадает. И он мне не говорил про это, потому что жена эта, Люсей он ее звал, умерла. Только не при нем, а уже потом, когда они развелись.

– От чего?

– Чем-то она болела, в больнице лежала, там какое-то не то лекарство ввели, у нее на него аллергия оказалась... в общем, я не помню, потому что от коньяка голова стала тяжелая, я и заснула. А утром уже к этому вопросу не возвращались. И письма того я больше не видела. Только потом в голове вопрос всплыл: если жену звали Люся, то отчего же тот тип в ресторане меня Лилей назвал? И еще: умерла эта Людмила в одна тысяча девятьсот девяносто девятом году, а тот мужик сказал, что они с Вадимом больше двух лет не виделись...

– Ну, тут ничего странного нету, – усмехнулась Лола, – твой муж монахом же не жил все эти годы, пока тебя не встретил. Само собой, были у него другие женщины, ну и представил он этому, приятелю своему, некую Лилию. А жена там или не жена, тому без разницы, он же паспорт не проверял...

– Верно, я тоже сначала так подумала. Но сомнения все же остались. А в паспорте у него вообще ни одного штампа нету, потому что паспорта как раз недавно меняли, ему, надо думать, и выписали чистый. И тогда я вот что сообразила. Мы с Вадимом в турфирме познакомились, где я работала, он там в VIPклиентах числился, и довольно давно. Значит, забежала я как-то к девочкам на прежнюю работу, торт хороший принесла, поболтали мы, а после заглянула я в нашу базу данных примерно двухгодичной давности и сразу нашла – Коврайский Вадим, Коврайская Лилия, ездили на Маринику.

– Умно, – похвалила Лола, – здорово ты сообразила в базе данных посмотреть!

– Угу, но я тревогу-то бить не стала. Ну, думаю, была не одна жена, а две, не захотел он мне говорить, так ведь и я про Мишку ему не рассказывала. Сама понимаешь, кому охота узнать, что у его жены предыдущий муж был форменный уголовник, убили его при разборках и до сих пор никто не знает, что там на самом деле было, так? Да еще и деньги тут замешались какие-то, и меня Мишкины дружки за это разыскивают? Думаю, Вадим не обрадовался бы, у него бизнес солидный. А что Мишка мне по закону не муж вовсе был и я денег тех в глаза не видела, так кого это волнует?

– Оно-то так... – в сомнении протянула Лола, – однако как такому человеку доверять можно?

– Слушай, ну до чего же мы с тобой одинаково мыслим! – перебила ее Люда. – Я тоже все думала над этим, думала и решила раз и навсегда этот вопрос прояснить. Но как? Напрямую не спросишь, муж сразу так себя поставил, чтобы я ни о чем его не расспрашивала. Дескать, он сам мне сразу рассказал все, что считает нужным, а в остальное чтобы я не лезла.

– Строгий у тебя муж!

– Уж какой есть, – сухо ответила Люда и добавила про себя, так что Лола прекрасно поняла: «Сначала своего заведи, а потом чужих мужей критикуй!»

Разумеется, Лола надулась, и подруги надолго замолчали. Лола думала о том, что Пу И надо бы прикупить к осени кое-что из одежды, а то песик вырос из всего гардероба, а Ленька,

конечно, не сдал в чистку его пальтишко. Мужчинам ничего поручить нельзя, они все обязательно забудут и перепутают.

Неизвестно, о чем думала Людмила, но когда на табло зажглась надпись «пристегнуть ремни», она сказала тихим, изменившимся от страха голосом:

– Лелька, мне правда не к кому обратиться! Тут так все закручено, никто мне не поверит, только тебе могу сказать!

– Так говори толком! – приказала Лола. – Скоро посадка, а мы все на месте топчемся!

– Ну хорошо-хорошо, – забормотала Людка. – Значит, усилием воли засунула я свои сомнения в глубину души и живу дальше примерной женой. Проходит еще какое-то время, и вдруг заболел у меня зуб. Так прихватило – просто ужас! Всю ночь промаялась, утром едва мужа проводила и помчалась в клинику. Выбрала самую близкую от дома – сил не было на машине куда-то ехать. Называется «Медикор». Ну, приползаю я туда, до щеки не дотронуться, глаза на лоб лезут. Девушка говорит: «Идите на рентген, только карточку сейчас выпишу». Я ей фамилию говорю, а она: «Ой, да у нас карточка ваша уже есть!» Ну, думаю, и тут эти жены уже успели отметить! «А, – говорю, – Коврайская Людмила Николаевна? Так это не я... То есть я, но не та...»

А девчонка так на меня посмотрела и говорит, что карточка на имя Коврайской Лидии Павловны. А адрес тот же, что и у меня, Большая Пушкарская.

– Смешно! – фыркнула Лола.

– Угу, только мне не до смеха, когда щеку дергает. Однако сразу я сообразила, что еще одна жена на горизонте вырисовывается. А тут какая-то тетка зашла в регистратуру, старший администратор, видно, и давай лебезить передо мной: «Уж простите за накладку, уж извините девушку неопытную, идите на рентген, а мы тут сами разберемся». Я за угол завернула и прислушалась. Тетка эта девчонку ругает по всякому. «Видишь, – говорит, – что тот старый адрес зачеркнут и новый сверху написан. И вообще, клиентка эта, Лидия Павловна, к нам уже больше двух лет не обращалась». А девчонка оправдывается: откуда, мол, я знаю, если фамилия та же самая и инициалы, я тогда у вас еще не работала? И тут, к счастью, позвали их обеих куда-то. Я, несмотря на больной зуб, пулей обратно в регистратуру и успела подглядеть, какой там в карточке новый адрес, и телефон запомнила.

Лола хотела что-то сказать, но тут самолет резко пошел на снижение, и у нее заложило уши. Людмила бормотала рядом тихонько, голос ее долетал до Лолы, как сквозь толстый слой ваты.

– Залечила я зуб, долго туда ходила, потом всякие дела навалились – у мужа день рождения, потом отпуск, а уж потом как-то закатилась у меня случайно сережка под шкаф. Мебель в спальне такая массивная, испанская. Кровать огромная, настоящий саркофаг, шкаф вообще неподъемный, комод стопудовый, пуфики разные. Мне не очень нравилась, чересчур пафосно, но муж ничего менять не захотел. Короче, пыхла я, пыхла – никак шкаф с места не могла сдвинуть. А сережка бриллиантовая, мужа подарок, и главное – вечером в ресторан идти, и никак нельзя что-то другое надеть, он обидится.

Уж каким образом я тот шкаф отодвинула, не буду говорить, как в старом анекдоте – с помощью рычага и какой-то матери. Сережку нашла, а рядом с ней еще что-то блестит, закатилось в щель паркетную. Оказалась булавка для галстука. Так, ничего особенного, золотая, камушек не понять какой. А сзади на ней гравировка – «С любовью от Лизы» и дата – 1998. Вот так вот. Получается, что до меня у муженька моего было четыре жены, я пятая.

– Да с чего ты взяла, что эта Лиза женой его была? – вяло возразила Лола.

– Если бы ты ту булавку видела, ты бы ни секунды не сомневалась, только жена могла такую жуткую вещь подарить, да еще и гравировку на ней сделать!

Лола покивала, соглашаясь.

– Значит, пока я ту булабочку прибрала, стала в ресторан собираться, но дала себе слово во всем непременно разобраться. Потому что если вместо одной жены до меня было две – то это одно дело, а если целых четыре – то это совершенно другое. Если он до меня с четырьмя женами развелся, то и пятую запросто бросит. У него уже рефлекс выработался. Стало быть, я у него ненадолго, и незачем серьезные планы на этого человека строить, а уж тем более о ребенке думать.

– Логично, – согласилась Лола, – ты, Людка, и в школе умная была, по всем предметам лучше меня успевала.

– Да уж, решила я выяснить всю подноготную самостоятельно, раз муж ни в чем не признается. Только информации маловато. Что я знаю? Первая жена у Вадима была Люся. Прожили они лет пять, потом развелись, а потом она умерла, но не сразу, а минимум через год, потому что Люся умерла в девяносто девятом, а в девяносто восьмом вторая жена, Лиза, подарила ему эту безвкусную булавку для галстука. С этой тоже через какое-то время Вадим развелся и женился на следующей жене, Лидии. Я посмотрела в медицинской карточке, адрес она поменяла в две тысячи пятом году, то есть с Вадимом тоже в этом году развелась. И дальше втесалась между мной и этой Лидой еще Лиля. Она развелась с Вадимом, надо полагать, в две тысячи седьмом, потому что в начале следующего мы с ним уже поженились.

– Слушай, чего-то я в этих женах запуталась уже! – пожаловалась Лола. – Ты бы хоть на бумажке записала их по порядку... Люся, Лиза, Лида, Лиля...

– Да ты слушай, что дальше было! – взвизгнула Людка. – Наконец к самому главному подошли!

«Слава тебе, Господи!» – подумала Лола.

– Значит, решила я позвонить этой Лидии и откровенно с ней поговорить. Изложу свои опасения, спрошу, как они развелись, по какой причине, как с жильем вопрос решили... а если она меня подальше пошлет, тогда еще что-нибудь придумаю...

Ну позвонила, не из дома, конечно, а из салона красоты, сказала, что мобильник где-то оставила. Отвечает голос такой простоватый и немолодой сильно, прошу Лиду. Тетка так поперхнулась – какую Лиду? Я и бухаю, что Коврайскую, уж после спохватилась, что фамилию она вполне могла поменять после развода. Но прокатило, тетка не удивилась, а давай меня расспрашивать, кто я да как мы с Лидочкой познакомились. Я несу пургу, что уезжала, давно с Лидой не виделись, а раньше дружили, знаю, что с мужем она развелась, и так далее. Тетка мямлит чего-то, я и говорю, что если Лиды нету, то скажите, когда она вернется, я перезвоню. Она мне и бухнула – не вернется, говорит, Лидочка, никогда больше, нет ее на свете уже полтора года, а в ее квартире я живу, тетка ее родная. И если вы, говорит, близкая подруга, то как же вы, говорит, этого не знали... Я как обалдела, бормочу что-то про долгосрочную командировку. А что, говорю, с ней случилось-то, молодая ведь совсем... А тетка, слышу, плачет там – молодая, говорит, тридцать один год всего было, и не болела ничем, а вот ехала на машине одна поздно вечером, занесло на повороте, не справилась с управлением, да и свалилась в овраг. А там уж машина загорелась, так что вытащить не успели...

– Ну и ну! – только и нашлась Лола.

– Да, ну я трубку повесила, посидела немного и сообразила, что погибла эта Лида уже после развода. И судя по всему, квартиру мой муж ей все же купил, раз тетка теперь там живет. Ладно, думаю, не получилось откровенного разговора с этой женой, будем другую искать. Ты меня знаешь, если я чего в голову вобью – меня не остановить.

– Точно, – согласилась Лола, – помнишь, как мы во втором классе с сараев на спор прыгали? Как только шею себе не сломали... А все ты, поспорила с Алькой Солодовниковым, что прыгнешь...

– Да, упорство – это мое главное достоинство! – Людмила приосанилась и посмотрела на Лолу чуть свысока. – Хотя, конечно, не единственное...

Значит, решила я пойти на преступление, – повествовала дальше Люда, – в том смысле, чтобы вскрыть сейф своего мужа. Не помню, говорила тебе или нет, но в кабинет у него сейф есть, за картиной.

– Какая картина? – деловито осведомилась Лола.

– Ой, с картинами у нас большая проблема! – вздохнула Людка. – Понимаешь, вкус у Вадима, как бы это тебе сказать... ну, старомодный, что ли. В общем, в спальне у него над кроватью висит купальщица – такая голая толстая тетка в камышах, а в столовой – натюрморт с битой дичью и кроликом.

– А в кабинете? – оживилась Лола.

– А в кабинете пейзаж, там озеро и...

– Неужели лебеди?

– Точно, – вздохнула Люда, – но это еще ничего, я в кабинете у него редко бываю, а вот в столовой как увижу этого несчастного кролика с окровавленными внутренностями – так сразу аппетит напрочь пропадает!

– Тоже неплохо, – заметила Лола с завистью, – вот отчего ты так похудела.

– Ой, да вовсе не от этого, а от страха! – пригорюнилась подруга. – В общем, сейф самый настоящий, там такая штука с колесиками, прямо как в кино, крутить надо туда-сюда. Муж вечерами в кабинете сидит, бумаги какие-то разбирает или еще марки рассматривает. Я туда редко хожу, если только чай принести, он любит, чтобы чай крепкий был, сладкий, с лимоном...

– Вот зануда!

– Да ладно, значит, я уж знаю, что примерно в полдвенадцатого ночи он все бумаги в сейф убирает и спать идет. Ну и сунулась в кабинет вроде как за грязной посудой, а сама на поднос зеркальце положила. Задержалась в дверях и все в зеркале видела – пять поворотов влево, три вправо, потом еще четыре влево и восемь вправо. Ну и на следующее утро в спокойной обстановке обследовала я этот сейф. Там куча бумаг каких-то, я особо не копалась, надо же было еще аккуратно действовать, чтобы муж ничего не заподозрил.

– Ну и нашла ты то, что надо? – не утерпела Лола.

– Можешь себе представить – нашла! – торжествующе зашептала Люда. – Лежат у него на отдельной полочке все четыре свидетельства о расторжении брака. Жены все Коврайские, Людмила, Лизавета, Лидия и Лилия. Ну, списала я даты разводов, все, между прочим, в нашем ЗАГСе Петроградского района, дальше нахожу документы на покупку квартир. Получается, как разведется мой Вадим с очередной женушкой, так примерно через полгода покупает ей квартиру, а она бумагу пишет, что отказывается от жилплощади, где он живет. Нотариус один и тот же, у нас, на Петроградской. Адреса всех квартир имеются, и телефоны даже отдельно вписаны.

– Так он что – на себя, что ли, эти квартиры покупал?

– Угу, а потом уже оформлял акт дарения. Все четыре раза одно и то же.

– Слушай, да это же не человек, а бухгалтерская ведомость, до того все точно! – поразилась Лола.

– Ага, я сама удивилась. Ну, сначала-то сдуру обрадовалась я. Думаю, дело верное, раз он своих привычек не менял, стало быть, и со мной так же разойдется по-хорошему. Но на всякий случай решила я найти вторую жену, Лизавету, и с ней поговорить.

– А отчего не последнюю, Лилу? – Задав этот вопрос, Лола поняла, что сморозила глупость, но было уже поздно.

– Вот сразу видно, что ты замужем не была! – поучающим тоном ответила эта зараза Людка. – Вот скажи, пожалуйста, как ко мне отнеслась бы предыдущая жена? Ей ведь не докажешь, что мы с Вадимом познакомились уже после их развода, она может подумать, что я у нее мужа увела. И даже если она его сама бросила, все равно никаких отношений с новой его

женой у нее быть не может. А со второй женой, Лизой, какие у нас могут быть конфликты, если между ею и мной было у Вадима еще две жены?

Услышав в голосе подруги нотки несомненного превосходства, Лола почувствовала сильнейшее желание всадить ей в ляжку английскую булавку. Или вылить на шелковую блузку пузырек зеленки. Она с трудом удержалась от такого необдуманного поступка, решив все же дослушать историю до конца.

– В общем, звоню я из того же салона красоты этой Лизавете, а там мужик какой-то сразу же меня посылает подальше. «Не знаю, – кричит, – никакой Лизаветы Коврайской, тут мы живем уже четвертый год». А до этого кто жил, он понятия не имеет, продал ему эту квартиру какой-то мужик иногородний, она ему в наследство досталась.

– Вот как? – Лола подняла брови, хотя дала себе слово не слушать больше эту нахалку Людку, пускай сама со всеми своими проблемами разбирается.

– Ага, что-то мне не понравилось упоминание о наследстве, решила я этот вопрос окончательно прояснить. Назавтра оделась поскромнее, купила коробку конфет подороже, духи опять же французские да и пошла по тому адресу. Походила вокруг – дом хороший, все кругом чистенько, цветочки высажены, узнала у старушки, где у них жилконтора, и пошла туда. Пришла прямо к начальнице на прием, потому что у нее отдельный кабинет, разговору приватному никто не помешает.

Так и так, говорю, хочу разыскать Лизу Коврайскую, она тут раньше жила, а теперь переехала. Та, начальница-то, нахмурилась так. «А вам зачем?» – спрашивает. Я снова про свой долгий отъезд вру, что подруги мы были и так далее. И коробку подсовываю, и духи. Ну, она посмотрела в своем компьютере – ага, говорит, действительно, жила такая в той квартире, да только умерла она в две тысячи третьем году, а наследник квартиру нынешним жильцам продал. Как услышала я про это, так в лице переменялась, что тетка эта сразу поверила, что близкие подруги мы с Лизой были. «Да, – говорит, – теперь я припоминаю тот случай. Эту Коврайскую сосулькой убило». Дело было в марте, оттепель, шла Лиза утром на работу вдоль дома, и здоровенная такая сосулька свалилась прямо ей на голову. Да так неудачно, что насмерть. Шуму много было, жильцы испугались. Она, начальница-то, призналась, что порадовалась тогда, грешным делом, что не на ее участке такое происшествие случилось, а то не миновать бы увольнения с работы.

– Ужас какой! – выдохнула Лола.

– Это тебе ужас, а мне каково было? Что же это, думаю, за напасть на бывших жен моего мужа? Три дня сама не своя была, потом решила попробовать с последней женой встретиться, с Лилей. Тут уж, думаю, не до бабских разборок, дело-то серьезное. С чего это мор на молодых баб напал? Может, думаю, эта Лилия что знает?

Побоялась к ней прямо сунуться, решила сначала справки навести. Ну, узнала, что живет она одна, работает в издательстве «Пилигрим», а тут звонит мне девочка с бывшей работы, из турфирмы. «Ты, – говорит, – интересовалась, так вот знай, что Лилия Коврайская улетела на Мальорку». Думаю, вот удобный случай, я за ней, мужу наболтала что-то, он отпустил. Нашла ее в отеле, все пыталась познакомиться да разговор завязать, а она ни в какую на контакт не идет, шарахается прямо. Правда, не только со мной она так, ни с кем не общалась, все одна сидела на пляже, плакала иногда даже. Такое поведение странное, я и решила за ней проследить. А дальше ты сама видела, она тоже умерла...

Голос у Людки задрожал, она зашмыгала носом.

– Не может же быть такого совпадения? – жалобно спросила она.

Лола и сама очень не любила совпадения, ее приучил к этому Леня Маркиз.

– Мистика какая-то, – пробормотала она после небольшой паузы. – Неужели твой муж – маньяк? Или убивает бывших жен из жадности, чтобы квартиры обратно получить?

– Да нет же, квартиры-то после смерти не ему, а посторонним наследникам достаются! – возразила Люда.

– Верно... – задумалась Лола. – Слушай, тогда он точно маньяк-женоненавистник. Не может простить бывшим женам, что они его бросили!

– Лелька, я боюсь... – Люда заплакала, – ты себе не представляешь, что я пережила! Чем такой ужас постоянный терпеть, впору руки на себя наложить!

– Не реви! – Лола тут же простила Людке все ее выпады насчет замужества. – Не реви, нужно это дело расследовать. Должна же быть какая-то причина! Слушай, а отчего он с женами разводился?

– Да я-то откуда знаю! – ответила Людка гнусавым от слез голосом. – Он ничего не рассказывал! А я спрашивать боюсь – вдруг он и правда маньяк, и я его спровоцирую?

– Да, тяжелый случай... – вздохнула Лола и отвернулась к окну, где бежали внизу уже огни Петербурга.

– Ладно, в память нашей старой дружбы я поразведаю кое-что, – сказала она, – а ты приободришься и виду не показывай, что все знаешь про жен.

– Да как ты поразведает? – ныла Людка. – Они все умерли... и я боюсь... Ты же не милиция, следствие не откроешь, вопросы прямые задавать не будешь. А если и будешь, то тебе никто не ответит...

– Насколько я поняла, милиция все эти смерти бывших жен и не расследовала, посчитала несчастными случаями, так? – прищурилась Лола. – Так что оставь милицию в покое, она тебе в данный момент не поможет. А если ты в мои возможности не веришь, то есть один человек...

Произнеся это, Лола поняла, что придется обращаться к своему компаньону, без его помощи она не справится. Она тяжело вздохнула, представив предстоящее объяснение. Ленка будет ворчать, что его впутывают в какую-то сомнительную историю с бывшими женами, что непонятно, что в этом деле надо искать, и так далее. Ну да ладно, как-нибудь они договорятся, ведь они уже долгое время плодотворно сотрудничают, и Леня не раз выручал Лолу из беды. И вообще, он очень умный и решительный, он придумает, как надо Людке поступить.

Лола вздохнула более радостно, представив, что примерно через два часа она увидит своего дорогого Пу И и все остальное семейство. Как же она соскучилась! И с чего понесло ее на Мальорку?

– Тебя встречает кто-нибудь? – спросила Лола, когда отстояли очередь на паспортный контроль и маялись в ожидании багажа.

– Нет, я не сказала, что прилечу сегодня. – У Людмилы снова начался мандраж, лицо покраснело, глаза болезненно блестели.

– Ну, начинается, – вздохнула Лола, – мы же договорились – ты ведешь себя тихо, с мужем ни в какие разговоры не вступаешь, а разведку я беру на себя.

– А вдруг он уже сегодня задумает со мной развестись? – заикаясь от страха, бормотала Люда. – Вдруг он уже обратился к адвокату?..

– Не психуй! – приказала Лола. – Угождай ему по-всякому, постелью привяжи, так чтобы он и думать о разводе забыл...

– Какая постель... – заныла Людка, – я к нему и близко-то подойти боюсь...

– Возьми себя в руки! – одернула ее Лола. – Вон, люди на нас смотрят...

«Люди» оказались все тем же соседом по самолету. Лола посмотрела мимо него и коршуном набросилась на свой чемодан, который в кои-то веки прибыл одним из первых. Мигом распотрошив его, она переделалась в скромную с виду, но дико модную курточку и вернула Людмиле ее зеленый пиджак, который успела возненавидеть.

– Девочки, могу подвезти! – Это подошел сзади все тот же сосед по салону. – Меня машина ждет!

- С удовольствием! – Людка пихнула Лолу в бок.
- Не шипи, улыбнись человеку, не на маршрутке же тащиться!
- Такси возьмем! – огрызнулась Лола.
- Такси тут дорогое, а я женщина накануне развода, должна средства экономить...

Лола только зубами заскрипела. Однако у мужчины оказался дорогуший черный «мерседес», и водитель стоял возле передней дверцы навытяжку, что, несомненно, говорило в пользу хозяина.

– Давайте познакомимся, – добродушно сказал хозяин «мерседеса», – меня зовут Вадим... А вас, я знаю, Ольга и Людмила. Что это с вами, Людочка, вы так побледнели...

И правда, Людка, услышав пугающее ее имя, стала зеленой под цвет пиджака и едва не сползла с сиденья машины.

– Ей после посадки нехорошо, она плохо переносит... – тут же нашлась Лола.

– Ну, мы ее первую завезем, – обрадовался Вадим, – мигом домчимся, у меня Володя – ас из асов, любую пробку объедет. Сам, к сожалению, не вожу, права не дают.

– Отчего же? – из вежливости поинтересовалась Лола.

– Дальтонизм, цвета не различаю...

Вот почему он обратил на нее внимание! Он просто не заметил зеленого пиджака и красных брюк, это убийственное сочетание не произвело на него никакого впечатления!

Лола улыбнулась благодарно и от души. Улыбаться Лола умела, ведь она была актрисой. Ей одинаково хорошо удавались и мимолетные, слегка рассеянные улыбки, и открытые детские, и широкие простодушные, и таинственные, когда губы чуть приоткрыты, а глаза полны загадочности, и скептические, с приподнятой левой бровью, и насмешливые, и даже фальшивые, когда улыбаются одними губами. Умела Лола также смеяться только глазами, да так заразительно, что никто не мог удержаться, глядя на нее, от ответной улыбки. Что и говорить, по части улыбок Лола была большая мастерица, как и по части слез, и взглядов, и вздохов, и всяческих междометий.

Но лучше всего Лола улыбалась, когда ненадолго забывала, что весь мир – театр, а люди в нем – актеры. Вот тогда улыбка Лолы бывала ослепительна, сама она хорошела на глазах, и редкий мужчина мог устоять против такой улыбки.

Их новый знакомый Вадим не был исключением. Он посмотрел на Лолу, и глаза его зажглись ответным огнем. Потом покачал головой и показал глазами, что у него нет слов. И Лола сразу поверила, что так оно и есть.

За переглядываниями и перешептываниями не заметили, как доехали до Петроградской. Людмила вышла и поблагодарила Вадима, не глядя ему в лицо.

– Я позвоню! – крикнула Лола ей вслед, вид у Людки был до того жалкий, что она всерьез забеспокоилась.

Оставшуюся дорогу Вадим вел себя прилично – посматривал на Лолу изредка и улыбался приятно. Лола делала вид, что смущена, а сама раздумывала, нужно ли давать ему свой телефон или просто послать подальше. Выходило, что отшивать сразу вроде бы не за что – мужчина с виду приличный, машина опять же дорогая, с водителем, стало быть, не бедный.

С другой стороны, мало ли их ездит по улицам больших городов – приличных обеспеченных мужчин подходящего возраста? Было бы глупо предполагать, что именно этот – ее Судьба. Разумеется, он обратил на нее внимание, она ему понравилась – что тут странного, если отбросить зеленый пиджак и красные брюки, но значит ли это, что его следует поощрять? Небось женатый, как это говорит народная мудрость, «хорошего мужика без хомута не бывает...».

Лола осторожно скосила глаза и попыталась разглядеть руки своего соседа. Руки неплохие, крупные, сильные, ногти ухоженные, на пальцах нет ни обручального кольца, ни перстня никакого.

«Нарочно снял, пока на отдыхе был, – сердито подумала Лола, – все они в отпуске холостые... Или жену не могут бросить, потому что она тяжело больна... Мужиков послушать, так они на одних калеках женаты...»

– Не сочтите меня нахалом, – заговорил Вадим, когда машина свернула на Лолину улицу, – но мне очень не хочется вас вот так просто отпускать. Мы могли бы погулять и пообедать где-нибудь, пока погода хорошая.

Погода и вправду была неплохая – удивительно теплый сентябрьский вечер.

– Что ж, – сказала Лола, – заманчивое предложение, трудно отказаться.

И дала Вадиму номер своего мобильного.

Машина остановилась, Вадим не вышел и руку не поцеловал, а только сжал крепко. Это Лоле понравилось – не набрасывается сразу же, придерживает коней.

Водитель донес до подъезда ее чемоданы, простился вежливо и ушел. И это тоже было неплохо – консьержка не станет задавать лишних вопросов.

В лифте Лола думала, что изменила своим правилам – никаких романов и интрижек здесь, дома, чтобы не узнал про них ее компаньон Леня Маркиз. Потому что хоть они и договорились в свое время, что в личной жизни дают друг другу полную свободу, Лолу очень нервировали Ленянины любовные приключения, и хотелось выглядеть в его глазах невинной, белой и пушистой овечкой. Вот на отдыхе где-то далеко – это пожалуйста, не пойман, как говорится, не вор...

А сейчас она изменила своим принципам. Ну да ладно, на то и правила, чтобы их можно было нарушать!

* * *

Лола подошла к двери квартиры и нажала на кнопку звонка.

Обычно в ответ на это нехитрое действие из квартиры доносились следующие звуки: во-первых, мелодичная трель самого звонка; во-вторых, радостный заливистый лай Пу И, который кидался к двери, чтобы встретить любимую хозяйку и немедленно облизать ее маленьким шершавым язычком; в-третьих, хриплый голос попугая, который всегда старался быть в курсе событий и в центре внимания и при появлении Лолы непременно орал откуда-то сверху: «Пр-ришла! Пр-ритащилась, стар-рая кар-рга! Тр-ребую пор-рцию ор-рехов!» И наконец, после всех этих разнообразных звуков откуда-то из глубины квартиры доносился недовольный, заспанный голос Маркиза: «Лолка, ты что – своими ключами открыть не можешь?»

Но на этот раз все было совершенно иначе. Правда, дверной звонок прозвонил, но ни веселого лая Пу И, ни хриплых разбойничьих воплей попугая не последовало, зато раздался вполне бодрый и энергичный голос Маркиза:

– Входите, не заперто!

Лола заволновалась. Она толкнула дверь и вошла в прихожую.

Посреди прихожей стояли два чемодана и дорожная сумка, а чуть дальше прыгал на одной ноге Леня, пытаясь всунуть вторую ногу в коричневый итальянский ботинок.

– Лолка, это ты пришла?! – воскликнул он удивленно. – А я думал, это уже таксист приехал...

– А куда это ты собрался? – осведомилась Лола, оглядывая чемоданы и самого Маркиза. – И почему это ты не встретил меня в аэропорту? И самое главное – где собака?!

– Вот хорошо, что ты приехала! – проговорил Маркиз, всунув ногу в ботинок. – Я почему-то думал, что ты вернешься только через неделю. А я, понимаешь, уезжаю...

– Куда это, интересно? – проговорила Лола ледяным тоном. – И снова спрашиваю – где собака?

– Ну, не мог же я оставить Пу И без присмотра! – воскликнул Леня с излишней горячностью, по которой Лола сразу поняла, что рыльце у него, несомненно, в пушку. – Я хотел пристроить его к Виллине Никитичне, но они не поладили, так что пришлось... – Далее он пропыхтел что-то неразборчивое, потому что согнулся в три погибели, зашнуровывая ботинки.

– Еще раз, и по-русски, пожалуйста! – процедила Лола ледяным голосом. – Куда ты отправляешься, что сделал с животными и при чем здесь Виллина? Про встречу не спрашиваю, особо и не надеялась, знала, что ты все перепутаешь...

Увидев торопившегося на выезд компаньона, Лола тотчас выбросила из головы все нежные чувства, забыла даже, что соскучилась. К тому же она всерьез забеспокоилась о песике.

Виллина Никитична была их консьержка, довольно славная, хотя и не в меру любопытная особа пенсионного возраста, которая иногда весьма охотно за скромное вознаграждение поливала в их квартире цветы и вытирала пыль.

– Виллина обещала заходить два раза в день и кормить Аскольда, – ответил Леня с конца. – Аскольд наотрез отказался куда-то переезжать, он лучше поживет один и обдумает в тишине план своих будущих воспоминаний...

– Каких еще воспоминаний?! – рявкнула Лола, хотя и давала себе слово не поддаваться на такие примитивные провокации своего хитроумного партнера.

Леня, конечно, ужасно обрадовался:

– Как, ты не знаешь, что наш Аскольд давно собирается написать двухтомные воспоминания «Моя жизнь с гением»? Книга будет богато иллюстрирована, снабжена суперобложкой... за нее уже сражаются два крупных издательства!..

– Прекрати болтать ерунду! – оборвала его Лола. – Лучше отвечай – где Пу И и Перришон?

– Ну, Лолочка, сначала я хотел их пристроить к той же Виллине, но ты же знаешь – с Перришоном она не ладит, он слишком груб, а она не переносит нецензурных выражений, так что пришлось попросить Ухо, чтобы он приютил попугая в своем гараже... мне кажется, они найдут общий язык...

Странная кличка Ухо принадлежала Лениному приятелю, большому специалисту по автомашинам и прочим движущимся аппаратам. Ухо был известен тем, что мог достать за два-три часа любой автомобиль, от инвалидной малолитражки до тяжелого армейского броневика, а также мог в самые короткие сроки ликвидировать любую неисправность в автомобильном моторе или подвеске. Как всякий настоящий автомобилист, Ухо был груб и откровенен в высказываниях, поэтому они с Перришоном должны были поладить.

– Но Пу И?! – воскликнула Лола, схватившись за сердце. – Надеюсь, Пу И ты не сослал в гараж?

– Что ты, Лолочка! – заверил ее Маркиз. – Неужели ты обо мне такого плохого мнения? Я понимаю, что ему там не место! Как я уже сказал, с Виллиной Никитичной он не поладил. Точнее, он укусил за палец ее внука, и Виллина наотрез отказалась взять его к себе. Мальчишка сам виноват – дразнил песика и съел при нем целых две ореховых трубочки, не поделившись с Пу И. За жадность детей надо наказывать, это еще Макаренко писал, но Виллина Никитична отчего-то очень на Пу И рассердилась. Поэтому мне пришлось обратиться к одной девушке...

– К какой еще девушке? – В голосе Лолы снова зазвучал металл. Причем не просто металл, а металл, пробывший несколько часов на сорокаградусном морозе.

Как уже говорилось, они с Маркизом в самом начале своего плодотворного сотрудничества пришли к соглашению, что их будут связывать исключительно деловые отношения. Они – сотрудники, боевые соратники, если угодно, но не более того. В остальном же они совершенно свободны и не предъявляют друг другу совершенно никаких претензий за общение на стороне...

Но одно дело – деловое соглашение, и совсем другое – реальная жизнь.

Как Лола ни пыталась взять себя в руки, она все же ревновала Маркиза и ужасно злилась на него за всякие мимолетные интрижки и кратковременные романы. И совершенно не важно, что сама она вот буквально два дня назад, в отпуске, с Антоном... нет, это к делу не относится.

– Какой еще девушке ты посмел доверить мое сокровище? – повторила она ледяным голосом.

– Не волнуйся, дорогая, у нее высшее ветеринарное образование...

– Что?! Она будет ставить на Пу И бесчеловечные опыты?!

– Что ты говоришь?! – возмутился, в свою очередь, Маркиз. – Как такое могло прийти в твою голову?

– Я знаю, что говорю! – оборвала его боевая подруга. – И я хорошо знаю всех этих твоих «девушек»! Жуткие, безвкусные, невоспитанные особы! И ни одной из них я не доверила бы не только собаку, но даже примитивного ангорского хомяка...

– Но, Лолочка, раз ты приехала, вопрос снимается сам собой! – перебил ее Леня. – Ты заберешь Пу И у Лики...

– Лики?! – повторила Лола насмешливо. – Эту твою пассию зовут Гликерия? Или, может быть, Гликемия? Очень подходящее имя для выпускницы ветеринарного техникума!

Леня не поддался на очередную провокацию. Он бросил взгляд на часы, ахнул и сунул в руку Лоле листок с нацарапанным на нем телефонным номером:

– Лолочка, мне некогда! Я опаздываю на самолет. Созвонись с Ликой и заведи у нее Пу И...

– Пу И я, конечно, заведу, – ответила Лола ледяным тоном и преградила дорогу к дверям. – Можешь не сомневаться. Не оставлю же я несчастного песика в руках какой-то подозрительной особы. Однако прежде чем улизнуть из дома, будь любезен ответить: куда, собственно, ты улетаешь в такой спешке?

– Как, разве я тебе не сказал? – Леня удивленно заморгал глазами.

– И не подумал! – отрезала Лола. – И не пробуй на мне свои дешевые приемчики! Твой невинный вид меня не обманет – я тебя не первый год знаю! Немедленно признавайся – куда ты собрался?!

– Такое недоверие меня просто унижает! – воскликнул Маркиз и полез в карман. – Если ты так – я предъявлю тебе вещественное доказательство! Черт, куда же она задевалась?

Он вытащил из кармана цветной шелковый платок, испанский расписной веер, букет искусственных цветов, розового игрушечного кролика... Цветы он вручил Лоле, веер и кролика положил на тумбочку, платок подбросил, и он непостижимым образом исчез под потолком прихожей.

– Опять ты принялся за свои дешевые фокусы? Вспомнил свое цирковое прошлое? – прикрикнула на него Лола. – Не надейся отвлечь меня! Эти фокусы хороши для концерта самодеятельности в жилконторе! Немедленно отвечай – куда ты летишь?

– Ах, да вот же она! – Леня достал из того же кармана сложенную вчетверо телеграмму и протянул ее Лоле: – Можешь прочитать сама, если мне не веришь!

Лола расправила телеграмму и прочла:

«Константин тяжело болен зпт Афродита под следствием тчк положение критическое тчк Марианна Вальтеровна».

– И что все это значит? – проговорила Лола, складывая телеграмму. – Кто такие эти люди – Константин, Афродита, Марианна? И почему ты мчишься черт знает куда по первому зову этой уголовной компании? Раньше ты старался держаться подальше от всякой уголовщины! При нашей профессии это просто опасно!

– Лола! – воскликнул Маркиз голосом провинциального театрального трагика. – Как ты можешь? Почему ты называешь этих достойнейших людей уголовниками? Константин и

Марианна – мои старинные знакомые, я вместе с ними работал в цирке. Константин – акробат, Марианна – дрессировщица с огромным стажем, представительница старейшей цирковой династии... я очень многим им обязан! Когда я пришел в цирк после училища и почти ничего не умел...

– Здесь же ясно сказано – Афродита под следствием! Какие еще выводы я могу сделать?

– Да Афродита вообще не человек! – воскликнул Маркиз возмущенно.

– А кто же она? – прищурилась Лола.

– Свинья! – прогремел Маркиз.

– Сам такой! – машинально отреагировала Лола и тут же опомнилась: – Ты хочешь сказать...

– Да-да, Афродита – это свинья!

– Что?! – Лола разинула рот от изумления. – Какая еще свинья?

– Дрессированная! Очень умная! Гораздо умнее некоторых людей, к твоему сведению!

– Это что – личный выпад? – Лола подбоченилась и оглядела прихожую в поисках какого-нибудь тяжелого предмета.

– Я не про тебя! – успокоил ее Маркиз. – Афродита умеет считать до двадцати, читает и хрюкает азбукой Морзе, ее даже включили в Книгу рекордов Гиннесса как самую умную свинью на планете, а, скажем, кассирша в соседнем магазине до десяти с трудом считает! Причем ошибается всегда в свою пользу... Как это у нее получается?

– И как же, интересно, свинья может быть под следствием? Даже такая умная?

– Вот это я и хочу выяснить. Во всяком случае, я не могу оставить старых друзей в безвыходном положении!

Лола хотела возмутиться, но в это время щелкнул динамик домофона, и голос с заметным кавказским акцентом проговорил:

– Такси приехал! Спускаться надо...

Леня подхватил чемоданы и вылетел из квартиры.

Лола проводила его растерянным взглядом и только тогда осознала, что он так и не сказал ей, куда, собственно, улетает.

– Ну, погоди, Ленечка! – проговорила она мстительным голосом. – Ты у меня еще попляшешь!

Правда, в следующий момент она вспомнила, что у нее имеются гораздо более неотложные дела, чем примерное наказание своего ветреного делового партнера. Она легкомысленно пообещала Люде Веснушкиной помочь с ее семейной проблемой, но в первую очередь, разумеется, нужно забрать Пу И.

Лола достала свой мобильник, нашла записку с телефоном Лениной знакомой и набрала номер.

Однако равнодушный голос оператора сообщил ей, что абонент находится вне зоны доступа.

– Черт знает что! – в сердцах воскликнула Лола. – Доверил собаку неизвестно кому!

Она наскоро приняла душ, переоделась и хотела разобрать чемоданы, но не могла ничем заниматься, пока не вернула своего четверолапого любимца.

Снова набрала номер Лики – и прослушала то же самое неутешительное сообщение.

Тогда Лола решила съездить к Уху, забрать у него Перришона и заодно выяснить, не знает ли Ухо каких-нибудь подробностей о неожиданной Лениной поездке. Возможно, Маркиз был более откровенен со своим приятелем. Однако на часах был одиннадцатый час вечера, и она решила, что попугаю ничего не сделается, если он еще раз переночует в гараже. У Лики по-прежнему мобильник был отключен, небось забыла зарядить, растяпа этакая...

Тут в комнате раздалось тихое «Мурм-м!», и к Лолиной ноге прижалось что-то большое, теплое и пушистое – это кот Аскольд явился, чтобы поприветствовать долго отсутствующую

хозяйку. Хотя хозяйкой кот Лолу не считал, да что греха таить, он и Леню-то не очень слушался. Кот чувствовал себя главным в квартире. Пу И подчинялся ему безоговорочно. Попугай иногда пытался проявить свою волю, но Аскольд смотрел на него изумрудными глазами, и нахальная птица улетала подальше. Попугаю известно было, что кот в принципе может достать его везде, даже на люстре, однако с возрастом Аскольд стал тяжеловат, так что никакая опасность птичке не грозила. Тем не менее главным в звериной троице считался кот.

Ночь Лола провела плохо – когда забывалась тяжелым сном, сразу же перед глазами вставал Пу И – бледный, худой и несчастный. Ей было так одиноко в пустой квартире, что пришлось открыть дверь спальни. Обычно Аскольда Лола в комнату не пускала – тот драл занавески, объедал фиалки на подоконнике и точил когти о туалетный столик розового дерева. Но сейчас Лола была согласна на все.

Аскольд явился на зов и благородно промурлыкал, что все будет хорошо, с Пу И все в порядке, Леня скоро вернется, и они славно заживут все впятером в этой квартире, и будут жить долго и счастливо...

Проснувшись Лола поздно, у Лики по-прежнему никто не отвечал, Ухо, очевидно, бросил телефон где-то в железках и теперь просто не слышал звонков. Лола решила ехать за попугаем, потому что Ухо всегда на месте, но поглядела на себя в зеркало, ужаснулась и решила прежде всего заняться своей внешностью. Что может быть важнее?

Процесс затянулся надолго. Лола посетила салон красоты, пробежалась по магазинам и к вечеру буквально падала с ног от усталости. Так что в гараж к Уху поехала только на следующий день.

Мастерская и гараж Уха располагались в унылом промышленном районе неподалеку от Обводного канала. Ворота были распахнуты, и Лола вошла внутрь.

Посреди мастерской стоял черный «ягуар» с поднятым капотом, из-под его днища торчали ноги в разношенных кроссовках.

– Это ты, Ухо? – осведомилась Лола, остановившись возле этих ног.

– Дай ключ на три четверти! – донесся из-под машины полузадушенный голос.

– Вот еще! – фыркнула Лола, оглядевшись. – Тут у тебя все в мазуте, а я прилично одета...

– Да я и не тебе говорю! – пропыхтел Ухо.

– А кому же еще? – удивилась Лола. – Вроде здесь больше никого нет...

В это мгновение рядом с ней раздался металлический лязг. Лола обернулась и увидела Перришона. Попугай, переступая лапами по бетонному полу, тащил в клюве огромный гаечный ключ.

– Перри! – изумленно воскликнула Лола, уставившись на попугая. – Что ты здесь делаешь? И в каком ты виде!

Действительно, Перришона трудно было узнать. Клюв и лапы попугая были перепачканы машинным маслом, а голова повязана черной банданой, отчего вид у него был самый что ни на есть заливчатый.

Попугай покосился на Лолу, всплеснул крыльями и выронил тяжелый ключ.

– Пр-ивет! – выкрикнул он хриплым голосом. – Здор-рово, подр-руга! Р-работа гр-рязная! Постор-ронись!

Он снова подхватил гаечный ключ и потащил его к «ягуару».

Ухо высунул из-под машины руку, взял ключ и пробормотал:

– Спасибо, братан... – Но через секунду снизу донесся его возмущенный возглас: – Ты чё, в натуре? Я просил ключ на три четверти, а ты мне что принес? Это же три восьмых!

– Кошмар-р! – выкрикнул попугай, попятившись. – Пр-рокол! Безобр-разие! Перри дур-рак!

– Да ладно, с кем не бывает! – Ухо вылез из-под машины, старательно вытирая руки куском ветоши. – Привет, Лолка! Ты приехала за этим охламоном?

– Пер-ри хор-роший! – льстиво заворковал попугай. – Пер-риньке ор-решков!

– Будут тебе орешки! – Ухо достал банку пива и пакет соленого арахиса, отсыпал приличную порцию попугаю, остальное засыпал себе в рот и захрустел.

– А ты не хочешь? – запоздало предложил он Лоле.

– Нет, спасибо! – поморщилась та. – Я правда заберу Перришона, а то без него в доме как-то скучно...

– Ну смотри, а то мы с ним неплохо сработались! – Ухо высыпал перед попугаем остатки арахиса.

– Пр-ривет, бр-ратан! – прохрипел попугай, склевывая орехи. – Будь здоров!

– Слушай, Ухо, – проговорила Лола, вытирая лапы попугая чистой тряпочкой, – а ты не в курсе, кому это Маркиз пристроил Пу И на передержку?

– Пу И? – переспросил Ухо, и глаза его забежали. – Понятия не имею! А в чем дело?

– Ты лучше скажи! – Лола посмотрела на него с угрозой. – Ты меня знаешь, если я рассержусь...

– А я что? – забормотал Ухо. – Я ничего не знаю... ой, ко мне скоро заказчик придет, а у меня еще полно работы!.. – И он стремительно нырнул под «ягуар».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.